

Говенна Мамбеева

ЗАКОН
ПЕСЕН

Нобелиа Мамбеева

ЗАКОН
ПЕСЕН

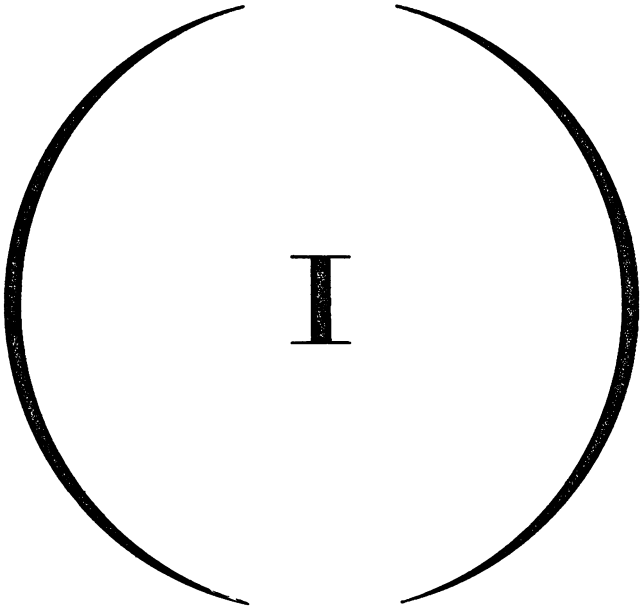
СТИХИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1983

ИВАНУ КИУРУ

Я чувствую, что в искусстве я прав.

Поль Гоген

* * *

Полетел сереброкрылый «Ту»,
Розовую зиму облаков
В летнем небе встретил на лету,
Пролетел сквозь них — и был таков.

В предвечерних гаснущих тонах
Сизо-алый клеверовый склон.
На откосе как босой монах
Одинокий бледный шампиньон.

Уж росе и сырости ночной
Начал день позиции сдавать,
Но небесной трассе надо мной
Не придется долго пустовать!

И опять — над далью сжатых нив
Самолет... (И к северу небось?)
В поле зренья мчался, молчалив,
А исчез — и громом отдалось!

Чем-то дразним мы небесный гнев:
Часто музы покидают нас!
Надо переждать, перетерпев,
Неблагоприятный, смутный час.

Пусть и на земле притихло... Пусть
Иногда запаздывает звук;
Жди: молчанье долго сжатых уст
Новой песней разорвется вдруг.

ПОСТУПЬ СВЕТА

Островки травы
Уже открылись в парке.
Блики солнца яркие.
Бледной синевы
Перепевы спят
В пластах последних снега.
Прошлогодний лист кидается с разбега
Под ноги. И нега
Обегает сад.

Зренье изнуряя всеми степенями
Света (сговор света на лету — с тенями),
Тени (сговор тени с светом на лету),
Рощи пахнут тенью. Тень сквозит зеленым
Пламенем А свет ступает ослепленным
Старцем, стирая руку в пустоту.

Руку в пустоту, но радуясь пустотам,
Ибо кто войдет в них выйдет не банкротом,
Хоть не видно — кто там;
Чей прищур цветущий на сухих местах?
Льдистые ль доспехи скинул
стебелек брусничный?
Или это сам подснежник? (Слишком симпатичный,
Чтоб не прятаться в нарочно съезженных листах!)

Так, в «гусиных лапах» скрыв улыбку лета,
Вдаль плывут морщины старческого света,
Свет аквамаринный, старинный, дряхлый свет.
Чей хрусталь состарен так, что уж не бьется!
Лишь над временем смеется
Не страшась грядущих бед

Так, по островкам травы,
По канавам серым,
Чередю роц, за облаком-сырцом,
Свет идет слепцом,
Свет шествует Гомером!

Старцем неимушим
С посохом цветущим,
С поднятым лицом.

ЗАКОН ПЕСЕН

Хороводы вакханок в экстазе,
Фавна к нимфе копытца несут...
Хорошо, как рисунок на вазе,
Но для лирики — чистый абсурд!

Лишь небесная страсть остается
В песнях вечной. (Лаура, живи!)
Существует, но вряд ли поется
Земноводная грубость любви.

Кто там в рощу так робко прокрался?
Притаился под сенью ветвей?
Пой! — пока на балкон не взобрался,
Не назвал Инезилью своей!

Пой — пока, по искусства законам,
Девять Муз во главе с Купидоном
Девять шелковых лестниц совьют...
Серенады поют — под балконом.
На балконах — уже не поют!

И, тем паче, с высот геликонов
Тот сорвется, кто тайны притонов
С гордым видом выносит на суд.
(Вас на пуговицы переплавят,
Сир! А пуговицы — пропьют!

Кто же карту краплёную славит?!
Спрячь ее, незадачливый плут!)

Очень многое, так мне сдаётся,
Существует, но — нет! — не поётся.
Грусть поётся, поётся разлука,
Упованием песня жива.
Но у блуда нет вещего звука.
(Что поделаешь! — жизнь такова.)

Только тот, кто любви своей силой
За возлюбленной тенью в Аид
Мог спуститься, тот песню для милой
В неподкупных веках сохранит.

Коль же скоро во всяком напеве
Похоть та же и разницы нет,
То за что же вакханками в гнев
Был растерзан великий поэт?

Жизнь — цветок. Ей закон — аромат.
Не ищи же, теряясь по сортам,
Божью искру в Калачестве тертом,
Друг мечты и романтики брат!

Пой — цепляясь на лестничном шелке;
Пой — пока твои мысли невинны
И пока на губах молоко
Не обсохло...

Пути твои долги,
Твои лестницы — длинны-предлинны,
Твой балкон — высоко,
высоко...

О ЮМОРЕ

Говорят: «Народный юмор груб.
Грубостью простому сердцу люб».
Что вы! Юмор грубый чересчур —
Он как раз для избранных натур!

Старый вертопрах
наедине
Шепчет сальности чужой жене.
Вроде бы и юмор площадной,
Ан, глядишь, рассчитан для одной.

Муженек в угоду девке ржет.
Посмеяться тоже в свой черед,
В стороне, с улыбкою кривой,
Ждет жена соломенной вдовой.

То-то и оно, что грубый смех —
Смех кустарный, редкий, не про всех!
Не скажу, насколько он прожжен,
Да не про детей и не про жен!

Груб, а ведь не каждого берет.
Ржет конюшня — да и то не вся!
Что за притча? Что за анекдот,
Если вслух рассказывать нельзя?

При мужьях нельзя, при стариках,
При маэстро, при учениках,
Там, где людно, там, где молодежь,
При знакомых, незнакомых — то ж...

Если двое крадучись идут
«Посмеяться», третьего не взяв,
Скоро эти двое создадут
Царство смеха на его слезах.

Если шутка выстраданный вкус
Истинных артистов оскорбит,
Что же в ней «народного»?!

Божусь,
Лишь филистер грубостью подбит.

Говорят: «Народный юмор груб,
Грубостью простому сердцу люб».
Что вы! Юмор грубый чересчур —
Он как раз для избранных натур!

Вот смеются у дверей в кино.
Разве я не так же весела?
Но — что делать! — с ними заодно
Посмеяться так и не смогла...

...Спутник селадонов и блудниц,
Черных лестниц, краденых утех,
Смех «плебейский» — для отдельных лиц.
«Аристократический» — для всех.

Кто средний путь предпочитает,
Кто боль в зачатке не убьет
И воспитать не воспитает,—
Тот будет жизнь по пустякам
Пинать в ожесточенье праздно,
Слепой к ее бесценным снам,
Но не глухой к ее соблазнам.

Спроси: а удался ль ему
Побег из внутреннего ада?
Скажи: кто принял бой, тому
Неверных радостей не надо.
Он ищет заповедный скит,
Где мысль и действие едины,
Где темный дуб распространит
Свои права на полдолины,

В пути приют скитальцу даст,
Стрелу грозы обезударит,
В ночи
Рассвета первый пласт
Вершиной чуткою нашарит.
И, позабытое дотоль,
Там снова детство будет сниться,
И невоспитанная боль
Веленьям чести подчинится.

III

За воздушной оторопью радости
Волок туч — надбровными изломами...
После долгой влажной в веках тяжести —
Избавленья — с молниями-громами.

После дымки, дымки ослепления,—
Блеск разрыва — бомба узнавания.

Вдох гражданственности,
выдох музыки —
Гнева с грустью чередование.

После пылких грез, восторга, трепета —
Взгляд поднять чугунно-вопросительный,
Рассмеяться беспардонным хохотом
Над мечтой единственной, спасительной!

После иноходи
в горы опрометью
Улетает всадник
в ночь;
Гневной проповедью,
жаркой отповедью
Строчек скачущих плачут
лучи...
Шум грозовый ив да чинар
По бокам, в ущельях-котлах...
Заштрихован не дочернá,
Путь кремнистый светит
впотьмах.

А внизу, в долине ночной,
Карнавальных масок разброд.
(Иронично так
за спиной
Мокрой шевельнул бахромой
Золотых огней разворот!)

Вот копыта стали слышней,
Черный грот зевнул,
и уже,
Вея íзнизу,
до ушей
Музыка слабей достает...

А туман набирает мощь,
Подымается в полный рост!
Сколько свежести
 между масок и звезд
Уместила синяя
 ночь!
Выше, выше вьется тропа,
Камни в росах чище, белей...
И уходит складка со лба
С тенью ветра
 в верх тополей...

...Царский зрак объехав по закраинам,
Слава утвердилась и усилилась.
Как звонка ты, бронзовая статуя! —
Из одних рукоплесканий вылилась!

Но чем громче гомон почитания,
Чем звончее бронза пьедестальная,
Тем уклончивей,
 тем неразборчивей
Имя дольное,
 фигура дальняя;
Тем суровее, тем несговорчивей
Чистая душа, душа печальная.

ОТРАЖЕННЫМ СВЕТОМ...

Вот солнце: пламенно, бессмертно, бесконечно.
Дарует людям жизнь. Рассеивает мрак.
А вот луна: займы берет у солнца вечно!
Планетка так себе... Не правда ли — пустяк?

Но пусть на солнце курс нужней держать поэтам —
Не лучше ль с неба звезд вначале нахватать?
Пусть отраженным лишь луна блистает светом,
Ну что ж, и до нее ведь не рукой подать!

— Эй, ты, сияй сама! Поэту нет расчета
Жить отраженьями,— заметил критик мне.
Мой друг! Достаточно, что ты меня к луне,
Забывшись, приравнял — чего ж тебе еще-то?

Не надсаждай других — сам будешь пощажён.
Все скажут: «Не Сент-Бёв, но и не изверг он».

ПОДСОЛНУХ

Подсолнух еще не исчерпан!

Ироническое. Из критики

Подсолнух, собственно, неисчерпаем,
Как прочий мир. Порукой в том роенье
Пчел, чуящих крыла прозрачным краем
Растительного космоса струенье.

Его — в сумбурах — четкое строенье.
И в нас, поэтах, с нашим пестрым паем
Есть космос и закон. Хоть мы не знаем,
Какую мысль подскажет настроенье.

Подсолнечное семечко без блеска
Сейчас — вот словно тусклая железка
В тевтонской маске... Но, прозрев, тяжелый

Кольчужный лик яснее... Встают сами
От сердцевины образы: венцами,
Кругами радиации веселой...

Живыми сгорать,
От ран умирать,
Эпохи таскать на спинах,
Дрожа, заклинать моря в котловинах,
Небо подпирать!

(Лучами блистает
Роса на листе,
Спеша, прорастает
Зерно в борозде.)

Привет сочинителям славным, чьи судьбы предивны!
Но колбасникам, тайным и явным, поэты противны —
Что в чужие встречаются печали, вопросы решают...
«Ах, вопросы нам жить не мешали: ответы — мешают!

И скажут ребятам такие слова:

«Вы славу стяжали,
Вы небосвод
На слабых плечах держали,
Вы горы свернули,
В русло вернули
Волны грозных вод...»

Потом засмеются
И скажут потом:
«Так вымойте блюдец
За нашим котом!»

Когда потеряют значенье слова и предметы,
На землю, для их обновленья, приходят поэты;
Их тоска над разгадкою скверных, проклятых
вопросов —
Это каторжный труд суеверных старинных матросов,
Спасаящих старую шхуну Земли.

* * *

Снег выпал ночью и растаял днем.
С ним улетел, задержанный на нем,
Взгляд мой рассеянный —
Верхом на трепете
Истаиванья. Так на диком лебеде
Нильс некогда, наказанный школяр,
Летел, опередив дыханья жар,
За горы гор, в зимы холодный пар,
В гусиную Лапландию... Далёко
От грифеля и школьного урока.

Лишь сырости да свежести следы
Легли от снега — новый круг теней!
Трава еще не выпрямилась; белые
Станицы снега выпались на ней
И унеслись, предтечи зимних дней,
В Лапландию видений. Столь далекую,
Что в небе неба только сердце, ёкая,
Крылом затрепетало и зашлось
От ужаса, что с ними унеслось!

Снег растворился воздухом блистающим
Над конским щавелем, склоненным ниц,
И взгляд мой улетел
со снегом тающим,
Как с дикими гусями —
мальчик Нильс.

ЗОЛОТО ПРОЕКТОВ

Румяный критик мой!..

А. Пушкин

1

Как строги вы со мной!
Мой стих зовете праздным,
Эгоистическим, оторванным от дел!
Тот мир похоронить горите вы соблазном,
Что и родиться-то, быть может, не успел!

Да, много лет прошло и строчек отмелькало.
Но мало прожито, но высказано мало,

А страшно между тем
И вспомнить мне о том, какие тьмы предметов
Мной не осилены! — идей, картин, сюжетов,
Забытых вымыслов, невоплощенных тем!..

Врата в искусство захлопнуть предо мною
Вам так хотелось бы! О беспощадный вкус!
Я слова доброго, быть может, и не стою,
Но ведь и вы — не страж у входа в царство муз!

Ваш суд — не Страшный суд. Не Судный день. Иначе
Уж ни одной бы мне не выполнить задачи!

А я еще должна
Сто мрачных тайн открыть,

Сто зерен в землю бросить,
Перед невзгодами не опростоволосеть
И вспомнить ста вещей простые имена.

Но вот, задач моих уразумею огромность,
Вы снова скажете, что мой характер нагл,
Что дерзко движет мной — опять-таки —

нескромность:

Конюшни Авгия кто чистил? Сам Геракл!

Что много гордости и во смиренье многом,
Что, верно, эллинским себя считает богом,

Кто веник да совок

(О честолюбие!) — схватил, и — рад стараться
К завалам мусорным коварно подобраться!
Зоил, вам только бы придраться был предлог!
Но, впрочем... вы небось пришли мне на подмогу?
Вам тряпку? Вам совок? Извольте! Хоть сейчас!
Н-нет... Он раздумал мне перебежать дорогу:
Ни тряпка, ни совок, де, не прельщают нас!

Содей же, о зоил, ты действие благое:

Отстань! Весь в молниях, весь в тучах,— площадной
Учитель скромности,— дай мне хоть миг покоя!

Что толку менторам работать надо мной,
Когда мне недосуг?! Дел, повторяю — пропасть!
Тут мне и без тебя — придется страх и робость,
И скромность ощутить во всей ее красе...

Не хочешь мне помочь в отваге и размахе,
Не суйся помогать мне в скромности и страхе!

Управлюсь без тебя!

К тому же я не все

Конюшни вычищу, а только угол малый!

Не плачь за Авгия, не бойся за навоз!

А впрочем... бойся, плачь и хоть умри,

пожалуй...

...С чего мне начать?

Вот, например, вопрос:

Есть бесконечный змей: в гремушках, лъстив
и кольчат,

Он в лирике живет, в тепле и неге фраз.

Как прокаженного печальный колокольчик

О страшной гибели предупреждает нас,

И звоном гонит прочь, но, понятый превратно,

Умеет приманить прохожего обратно,—

Так — слишком нежного и мягкого стиха,

О путник, берегись, беги его заразы!

Но сахарные нас порой прельщают фразы,

Какая ни сиди в них ложь и чепуха.

Не легче и тогда, когда в железе строчек,

В которых волею себя явил талант,

Лежит не тающего сахару кусочек.

Железо в сахаре — не лучший вариант.

И вот уж два звонка вещают о проказе:

Засахаренный трос, и мед в железной фразе.

Но одинаково опасность их люта!

О сладкозвучие! — ты — верная примета

Жестокой лакомки, но только не поэта:

Поэт всегда суров, и речь его проста.

А все сомнения я тем верней рассею,

Чем лучший приведу из древности пример:

Ведь пение сирен казалось Одиссею

Волшебной музыкой,— нам говорит Гомер.

Остаться ли в когтях (какой соблазн громадный!)
У сладкозвучия Сирены плотоядной
Иль выбрать наконец
Нормальный, честный стих меж «сладостным»
и жестким?
Чтоб уши залеплять не приходилось воском
И к мачте не вязать себя, как тот пловец,

Своей лишь хитростью спасенный, Одиссей,
Канатом скрученный, но рвущийся к сиренам,
Да так, что весь корабль грозил жестоким креном
И погрузиться мог на дно — с командой всей.

3

...Ступай вперед, мой стих!
Не обольщайся мнимой
Законченностью дел! Еще ведь ни о чем
Не заикнулась я! К примеру — о ранимой
И нежно-мнительной фигуре с кирпичом.

О слабонервности; о прямо голубиной
Многочувствительности молодца с дубиной!
Ты на него дыши
Сквозь паклю! А не то удар страдальца хватит!
А ежели сам кого сплеча дубиной хватит,
То... — лишь по редкому изяществу души.

Как много редкого на свете! И как мало
Обыкновенного! — глядеть, так прямо страх!
(Ты помнишь, как в глазах у нас уже мелькало
От уникального? Как путалось в ногах
Неповторимое? Притом, что нам с тобою
От исключительного не было отбою!
Валили, взяв разгон,

К нам то единственные в роде, то из ряда
Вон выходящие... Из ряда ль?

Молвить надо,

Что — так же! — из дому пришлось их выгнать вон,
Проворовавшихся... Но се — опять идут!

На всех небесный знак, «и все — на наш редут»!)

О самомнения губительный маночек!

Свиненок с крыльями... Звезда во лбу козла...

Избранничество есть заскок не одиночек,

А необъятных толп несметного числа!

В какой козявке не сидит наполеончик?!

Какого слизняка следок — не полигончик

Властолюбивых нужд

И титанически плохих поползновений?

Кто не владыка сфер?

Какой дурак не гений?

Который лавочник бонапартизма чужд?

Где просто человек?

Какой пошляк — не демон?

Глянь: солнцеравные уж сыплют, как ячмень!

Должно быть, этот мир не из молекул сделан,

А из заносчивостей, всех, кому не лень...

На равенство ни в жизнь дурак не согласится!

Сам хочет быть «как все», сам — на Олимп косится:

— Что, дядя, все уж там? —

«Не все, сказал Финдлей».

Представь-ка лучше, брат, что в горнем царстве неком

Жил... Кто? Да хоть портной! Был... — кем?

да ЧЕ-ЛО-ВЕ-КОМ!

Вот часть блаженнее, чем состоянье фей!

Да-с. Только редкое нормально.

Лишь нормальность

По-настоящему редка на свете сём.

Давай же редкостность, особость, уникальность
Обычной логики — до звезд превознесем!
Хвала ей! Слава ей, венца венцов достойной!
Способной в хаосе родить порядок стройный.
Увечных исцелить.

Вернуть помешанным пятерку чувств реальных,
Луч разума сыскать в безумствах «гениальных»,
Что не похвально есть — того не похвалить,
Изобретательную хищность никогда
Не путать с навыками тонкого труда;
Есть люди, чей досуг землетрясенья хуже!
В чьей грозной праздности — смерчей припляс
досужий,

Чей труд — досужий труд
Великих происков:
От чьей сокрытой хватки
На сушу мечутся из волн киты касатки,
Хлеб в поле не растет, кроты и птицы мрут...

О Клио! Дай мне мощь и Несторов терпенье!
Дай, Полигимния, мне силу песнопенья,
Чтоб родственную связь
Меж бомбой новенькою, вылупленной спело,
И сомнением я выявить успела,
Пока бѣспомощная жизнь не пресеклась!

4

...Вперед, стих бедный мой!
Дел впереди — громада!
Их враз не своротить, так хоть пометить надо
И с меньшего начать. Есть вех предлинный ряд,
Столь маленьких на вид, что глазом безоружным
Не всяк их разглядит, не всяк причислит к нужным.
Но мы на этот счет иной имеем взгляд!

Вот рифмы: кажется, бездумны, озорны...
(«Филантропический» — скажу, когда придется,
«Филон тропический» — мне рифма отзовется.
Увяжет «Розвальни» и «Розовый волны»!)

Но рифмы — крылья слов. Слова же — крылья
действий.

Тот предал Действие со всей Подлунной вместе,
Кто форму силится низвесть
К идее пустоты, к бесплодным арабескам!
Кто слова пренебрег изяществом и блеском,
Попрал гармонию и рад, что хаос есть!

Он мастерство чернит! Он сделал это слово
Лихим извозчиным ругательством? Что «кнут»,
Что «мастер» — он смешал! (Упрутся ль бестолково,
Но крикнешь: «Мастерство!» — и лошади пойдут!)
Заметь себе, зоил... («Прости, пришлось
вернуться!» —

Воскликнул гнутый прут железный, разогнуться
Решая. Верно, зря пообещалась я
Вперед не обращать вниманья на зоила!
Но что мне проку в том, что я его забыла,
Коль скоро ежели он не забыл меня?)

Итак, заметь себе, зоил неугомонный,
Гонитель мастерства, его заклятый враг,
Что МАСТЕР — это тот, кто труд вершит законный,
Кто ничего не может делать кое-как!

Рассветами искусств, их яркими утрами —
Да помнишь ли ты, кто считался мастерами?
Сам Брейгель! Босх! Ван Рейн!

Сам Лейденский Лука!

А ты, и днесь на них рискуя свысока
Взирать (а заодно и мой оброк унижить),
Ты к стану мастеров решил теперь приблизить...
Меня?! Смирнейшего их ученика?!

Я не заслуживаю этого пока.
Опомнись! Отрекись! Прошу тебя серьезно:
Возьми свои слова назад, пока не поздно!
Но поздно! Ты уже и сам наверняка
Рыдал о них в тиши ночей... Что делать, «слово
Не воробей», сказал — отрезал. Стоп — готово.
Ну что ж, мой друг... Боюсь,
Пока раскаянью вы преданы всецело,
Пока вы думаете, как поправить дело,
Я к тайнам мастерства действительно пробьюсь!

Как марсианину землян ракетодромы,
Доходчивости мне откроются приемы.
Я слово обрету, которое Кашей
Хранит в семи ларцах и взглядом их буровит.
Как всадник на скаку, склоняясь, шапку ловит,
Я рифму выхвачу из хаоса вещей!

(О рифма!
Не забыть, как в неразумны лета,
Всю крайность мнения пустить желая в ход,
Неверный толк об ней я обронила где-то,
И совесть мне с тех пор покоя не дает...

Увы! — простишь ли мне теперь, дочь нимфы Эхо?
В тебе мне виделась не помощь, а помеха;
Претила мне игра
Свободной, словно вздох, и своенравной Рифмы.
Как я забыть могла, что дочь вольной нимфы,
Которой родина — лесистая гора
Да пенистый поток в ущелье, нимфа тоже?!
Что и не в руку ей подчас бывает сон?
Что обходиться с ней, во всяком разе, строже,
Чем с дерзким образом иль ритмом,— не резон?!
В кругу полубогов есть боги-квартироны,—
Парнас для них слегка не дописал законы...

Проста или сложна,
Да будет рифма вновь такой, какой придется!
Одна лишь просьба к ней: пусть РИФМОЙ остается.
Дочь Эхо, но не дочь анархии она!

Но тише! Наперед — ни голосом, ни видом
Из всей сокровищницы промахов моих
Уж ни жемчужины я ментору не выдам:
Я буду скаредной хранительницей их.
Ведь ментор снова ждет, чтоб я сменила стих.
И — как меня допечь — советов надавала!

5

Уж вот он снова мне пеняет, как бывало,
Что я художников до звезд превознесла,
А я еще, смотри, картин не воспевала,
Колонн не славил, до статуй не дошла!

Поэты Фермопил, певцы горячей Трои,—
Заметь: художники и есть мои герои!
Но слишком я ленюсь, не посвятив пока
В герои детищ их: кумир, поэму, вазу...
Хотя влиянье их кончается не сразу,
Как только мастера их вылепит рука!

Вперед, мой стих, вперед!
Гляди, как много надо
Осилить, наверстать упущенного мной!
Вот кто-то хмурит лоб, что я искусствам рада,
А я их обхожу — так часто! — стороной!

О да! Я честно к ним приблизиться стараюсь,
Но не приблизилась. Я только собираюсь
Создать, но я не создала
Всего, за что зоил мою лягает школу;

К народу статуй (к той,
подобной «Дискоболу»)
И подступиться я покуда не смогла!

Так чем же я опять вас, ментор, оскорбила?
Ведь я шагов своих поднесь не торопила
Туда, где рой богов глядит в лесной поток,
Где «Урну с водой уронив,
об утес ее дева разбила.

Дева печальна сидит, праздный держа черепок...»
Не сыщешь до сих пор в моих стихов охалке
Хоть близко годного под статую... — кого б?
Ну, вот хоть «Юноши, играющего в «бабки»!
Так что ж ты мне своим «искусством» тычешь
в лоб?

Век выиграет! Век не пропадет, нацеля
Космический полет к «Мадонне» Рафаэля!
Но долетит ли? О! — досмотрит ли в упор?
«Чудо! — не сякнет вода, изливаясь из урны
разбитой»!

...И что ж? — ни храма, ни картины знаменитой
(Придира, слушай-ка!), ни статуи забытой
Я не воспела до сих пор...

Но ты напомнил

мне и впрямь пора меняться,
И — в лирике — плотней искусствами заняться!
Спасибо за урок!

Поскольку не одни восторги вдохновенья,
Но и препятствия, и недоразуменья
(Дубинки, кукиши, смешки, шипы, камня) —
Все сочинителю должно сгодиться впрок!

(Но чур! — без мученического ореола;
Жалеть себя — инстинкт, привычка, а не школа,
Ни жалоб от певца, ни слез не жди, знаток!)

И, кстати ж, передай знакомым праздным шельмам,
Что мастерство не стыд, а честь и благодать,
Поскольку мейстером (уж не скажу — Вильгельмом!
А просто — мейстером) не всяк сумеет стать.

Но где там! Стоит лишь назвать одно из славных
(Как бы то ни было — с другими равноправных!)
Имен: не худших, чем брандмейстера, врача,
Бухгалтера, — вполне в миру произносимых
Людьми порядочными, в общем-то носимых!),
Лишь стоит снобу их напомнить сгоряча —
Тот, как ошпаренный, подскочит, крикнет, скажет:
«Не трожь музейну пыль! Я к ней приставлен сам!» —
И память гениев чудесных с пылью свяжет!
Придет же в голову музейным сторожам!

6

В музеях отведя закут большим поэтам,
Музей же, в свой черед, считая кабинетом
Мадам Мари Тюрсо для восковых фигур,
В больной фантазии, как в камере-обскуре,
Сноб держит гениев: спасает их от бури
Восторгов публики, мол, пылких чересчур!

Но тщетно столь гневит, столь возмущает сноба
«Музейной темою» «подшибленный» поэт;
Что для глупца «музей», «пылища», «двери гроба»,
Для человечества — бессмертной мысли свет.

Втолкните мне: зачем пытаются зоилы
О вечном рассуждать на языке могилы?
Зачем художнику (в умах своих кривых
Старинную держа на мастера обиду)
Спешат отвести музей, гробницу, пирамиду —
Что хочешь! — только бы не жизнь среди живых?

Они как дети! По открытости роптанья,
По неумению желанья скрывать...
Их странность, личные заветные мечтанья
За нужды общества, надувшись, выдавать!
Мечтанья же у них вполне в вандальском стиле:
Де «Мастер был неплох, но он давно в могиле!
Пуškai! Чего ж тепер и вспоминать о нем?»

Вот греховодники! Да где ж тогда вы сами?
В какой решительной и распоследней яме
Из ям?! Уже сейчас! — фактически живьем?!
Кто хочет видеть мир сухим, бесплодным полем,
Пустыней выжженной, тому, знать, свет не мил...
Но мы художникам исчезнуть не позволим:

Тут нас не спутают ни варвар, ни зоил!

Что́ вся поэзия? Что все ее победы,
Когда бы Пушкина одни пушкиноведы
Вслух называть могли?!

«Не трожь музейну пыль!» — кричит ночная
птица...

Кыш, братец, не шуми: музей суть не гробница,
Но суть сокровищница памяти земли.

Молчи! Художники — и есть мои герои.

Поскольку, сверх всего, их знают шахт забои,

Леса под куполом, удушливый карьер

Жестоких мраморов; недуг на разработках...

Поскольку их, как всех (но шибче!), мечет
в лодках,

Бьет в кровь... На зубья скал несет во весь
карьер...

Но беспощадна бездарь к ним и век готова
(Пришельцев чувствуя божественную статью)
Считать их вечными... в буквальном смысле
слова!

А в переносном — не считать!

Бессмертным ничего не делается, дескать,
Их притязания их вывезут; их детскость
Неуязвима; хоть по змеям босиком!
Кто сам из саламандр, тот жара не боится;
Уж если ты и впрямь широт кипящих птица,
Изволь, брат, выдержать крещение кипятком!

Об этом обо всем (столь «книжном» для чудовищ,
Невежество; для всех, кто темен искони!),

О людях, «книжностью» отмеченных (за то лишь
Что авторы они;

За то, что книги их бессмертны! Это плохо?),
Об страдавшихся, пытавшихся до вздоха
Последнего творить,
Работать: каторжниках чести беспримерных
Неумирающей мечты рабах галерных,
Идеала слугах верных,
Не последних, может быть!

О вольно дышащих, живых, деесподвижных,
Смерть презирающих с бесстрашьем чистых душ,—
О Муза! дай мне песнь сложить о Людях Книжных!
Пообещай помочь и слова не нарушь.

7

Мой стих! При виде нас опять зоил в печали!
Он нам не разрешал шагать таким путем!
Но как бы он ни ждал, чтоб мы с тобой пропали,
Мы даже для него на это не пойдём.
Я в «книжности» вчера считалась виновата,
А нынче говорят, что я «витиевата».
В чем завтра провинюсь? А послезавтра — в чем?

Пишу ли сельский вид неприхотливый: грабли,
В лазури ласточку да яблоню в саду —
Уж по следам молва: я живописцев граблю!
Не покупаю, дескать, краски, а краду!

Бегу ль за горизонт, подальше от навета,
Писать утесы, юг, иные страны света —
Кричат: «Экзотика!», «Оторванность!»,
«Побег!»...

Бросаю краски: мысль пишу как таковую,
А вывод: схемой-де убила жизнь живую!
Какой, мол, дьявольски жестокий человек!

Тут я к читателю кидаюсь: он рассудит!
Ан критик уж мою уловку предварил:
— Толпа,— прокаркал он,— потворствовать
не будет
Певцу, которого я сам приговорил.

Стишки прелестные у вас, как запах примул,
Но площадной народ навряд бы их воспринял...
Я сам взял на себя... гм... благородный риск
До публики донести: тут налицо изыск!

О справедливейший! Правдивейший!

Была ли

Мне строчка, чтобы в ней днем факелы пылали?

Видал ли ты резьбой изъеденную дверь

В моем хозяйстве, плут? Ни прежде, ни теперь.

Вишь, хлопец, отложил бурак себе под вичор,

А кто-то говорит, что хлопец полон вычур,

Причуд, изысканностью бредит наяву!

Тут вопиющего сказать не успеваешь!

А лгут, что усики фасолям завиваешь!

Притом от солнца вкривь, обратно естеству!

Но как с поклепом быть? Насмешки, гнев,

потворство

Лишь пуще злят его... Ждать, чтобы сам умолк?

Иль, сердцем восприяв устав единоборства,
С р а з и т ь чудовищный и злобный Кривотолк?

Да! Вот воистину проблема из проблем:
Повергнуть Кривотолк? Одна из важных, главных!

Но... кто же с глупостью сражается на равных?!
Не связывайся! Брось! — да ну ее совсем...
Слабейших выше будь! Да в кроличьей природе ль
Хвостишком вышибать наездников из седел?
Будь выше тех, кто лжет!
Будь выше беготни мышей в сырой соломе!
Будь выше... гм... гвоздя в ступне, пожара
в доме...
Крушенья кораблей; подземных сковород
Громовых трескотни, пальбы их жара пекла!
«Будь выше!» — шепчет мне какой-то тайный
сплин...

И то! Я участи «быть выше» не избегла.
Но даже божества с их реющих вершин —
И те нисходят в дол порою, дабы лично
Блоху, ведущую себя несимпатично,

Унять! От вредной тли спасти кого-нибудь...
Вернитесь, вещице, в чертог небесной лени!
Знакомство с дольной тлей измает вас не мене,
Чем бой со львом пустыни капской! Вот в чем суть.

Но — то ли их ведут заботливые пчелы;
Читают ли они на крыльях мотыльков,
Как могут смертные страдать от пустяков,—
А все же он опять нет-нет а сходит в доли
Сразиться с низостью мирскою — сонм богов!

Так что ж? «Быть выше» — и х? И даже не стараться
Хоть как-то помешать канальям завираться?

Но... кто ты? (Свят! Свят! Свят!) — ты, с чем
я говорю?

Ты, что не стоишь слов, но застишь мне зарю?

Ты, нечто смутное, размытое, но злое...
Прочь! Ты мешаешь мне! Изыди вон из слоя,
Где я хочу творить! (И, может быть, творю!)

Да, я скачков твоих пугаюсь суеверно,
Но вижу, чувствую, сколь глупо ты безмерно!
И снова я смеюсь!

В моей чернильнице не сякнет кровь драконья!
Я песнями твои унижу беззаконья!

Ты не меняешься? — так я ли изменюсь?!

И радость жизни мне протягивает руку.

Пусть незаслуженно, пусть, как всегда,
не впрок...

Но, Девяти Сестер шаги узнав по звуку,
Я успеваю встать, поклясться, дать зарок,
Вздохнуть, семь песен спеть... И всё — одной
минутой.

Так, стиснутый кругом скорлупочной каютой,

Бедняк матрос простой

Скарб немудреный свой тем расторопней сложит,
Что тесно, что темно, что тоньше быть не может,
Чем стенка между ним и моря чернотой...

8

...Успеть бы мне воспеть все волны бездны той
И этой! — сень лесов с их страхом безотчетным,
С волненьем зелени, с оцепененьем жаб,
С трясушкой осин... (Стань дерево животным —
Осина нежная медузой плыть могла б!)

Воспеть бы лес другой, теплом замороженный,
Где дикий виноград (как пламень, отраженный
Водой дрожащею) разносит пурпур свой

По букам и дубам, среди лощин и впадин...

И снова — море, где мгновений так нагледен

Величественный счет! Где в скалы бьет прибой...

О, стоит проследить полет осенних нитей!
Холодную на них
Росинку, полную зеркально-ртутной прыти,
И складку духоты в завесах дождевых!
Все измененья дня! Все превращенья света —
Едва заметно — в тень, накопленную где-то;
Бузиной зелени вечерний синий чад,
Дрожь молний... Ночь, когда от северных растений
Вдруг исполинские тропические тени
Прыжками мягкими за край земли промчат...
Как выразился бы художник на этюдах,
Мне надо свет ловить!
Незримый звездный пласт нашарить в темных
рудах,
В правах заброшенных — пустырь восстановить,
Пейзажи разомкнуть с их тайной новизною!
Пейзаж — не просто вид с березой да копною,
Не просто шествие лесных вершин по зною —
Взглянули, умилясь, и очи отвели;
Пейзаж — сигнал для всей планеты экипажа,
Что жизни на земле не будет без пейзажа!
Речь, вопиющая к художникам земли:

Прозрей!
Разуй глаза на этот мир прекрасный!
Держи свой глаз босым и в стужу и весной!
Небось художник ты? Зачем тебе, злосчастный,
Заказы отбивать у лавки обувной,
Ботинками для глаз снабжая шар земной?!

Прозрей!
Прислушайся к шуршанью, пенью, свисту...
Ты слышишь? — вся земля зовет к Пейзажисту!
Пусть варвар корчится под кистью твоей!
Ты руку с топором перехватить не можешь,

Но ты сторонников себе горячих множишь:
Сперва хоть махоньких, а там — богатырей!

Защитник свежести земли! Скорей! Скорей!
Воспой шиповника растительные зори,
Синицу, листопад, под стрехой снег живой...
Ах, мысль, беспечная, как дождь, идущий
в море,

И та — пользительнее хватки бытовой,
Личину важных дел носящей...

Беззаботный

Оруженосец роз, романтик старомодный,
Рип незадачливый, проспавший двадцать лет,
Бедняк, в горниле бед напавший на беспечность;
Простак, приметивший сквозь дырки быта
— вечность, —

Он-то и есть — поэт!

Всяк сон его — ценней действительности плута,
Раз Диогенов свет горит в его душе!
А коли так, то знай, что каждая минута
Лет, им упущенных, восполнена уже

Я с детства помню фильм веселый (довоенный!);
С экрана пел певец, счастливец вдохновенный:

«Я хочу медленно, медленно жить!»

Бесценные слова! (Но, хоть горел над ними
«Спешите медленно!» — девиз, рожденный в Риме,
Мне надо — медленно! — но все-таки спешить!)

9

Итак, когда боцаг я разыщу, в котором
«Сверхчеловечья» дурь с войной, чумой и мором
Кипят, из одного стекая ручейка;
Когда досуг найду заняться их единством;

Когда зоила я задену хоть мизинцем
(А я его, считай, не трогала пока);
Когда томительных и грозных сладкозвучий
Живыми глазками снабженную парчу,
Беспозвоночный блеск, проворный и ползучий,
Я, дрожь гадливости уняв, изболочу;
Когда художников я воспою (нельзя же
С улыбкой повторять в нахальном саботаже,
Что подвиг мастеров уж ведь бывал воспет
И даже крестиком чернильным для порядка
Помечен был не раз! — а значит, без остатка
Исчерпан надоедливый предмет!);
Когда коснусь картин, чей блеск для жизни новой
(Не для забвения!) нам гений завещал,
И статуй, чью красу зоил бы счел «готовой»,
Но Пушкин пел ее и нам не запрещал!
Когда приметный шаг я сделаю в пейзаже —
Пейзаже мира и познания (нельзя же
Столь трудный мир считать понятным до конца!
И неизменными — фигуры в тучах мгlistых!),
Когда напраслину сниму с понятий чистых,
Таких, как мастерство! Пера, смычка, резца...
Когда я кривотолк, дурацкий до предела,
Поэту с умыслом вредящий, низложу,
Тогда (но, только лишь тогда!) «Мавр сделал
дело, —
Мавр прогуляться может смело!» — я скажу.
Понятно, никогда, конечно, сам не знаешь,
Куда тропа свернет, когда стихи слагаешь:
Уж так заведено,
Что с непредвиденным непостоянны узы,
И где настигнут нас, а где покинут музы —
Нам ведать не дано.

Но даже у таких, как мы (хоть мы — поэты,
Считай: лунатики, юроды, чудаки!),

Есть некоторый смысл в очах. И есть приметы,
Что мы имеем цель! И что недалеко
Бываем от нее! (Сноб просит: «Неужели?»)
О, более того! Мы — достигаем цели!
В отдельных случаях, конечно, не во всех.
Суди же: стоит ли мне гнать Пегаса мимо
Той горстки замыслов, что, в общем, выполнима
И подзолочена надеждой на успех?!

Ах, вечный прожектор (как в драмах
говорится),

Всерьез обдумывая важные дела,

Пройду вся в золоте проектов, как царица!

(В окошках кумушки-то ахнут: «Где взяла?»)

Где? Так как с лучшими надеждами на «ты» я,

Прожекты у меня, конечно, золотые,

Но разве мой карман от них отяжелел?

К тому же не могу представить, чтобы некто

Не заслужил бы прав и на проект проекта!

Чтоб ближний ближнему иллюзий пожалел!

При том же — я и в них, быть может, не успею;

Как знать, куда меня дорога приведет? —

К бессмертным или же к Бессмертному Кощею!

(Вотще затем все в ночи его болот!)

Мало ли что: хандра, житейский быт, болезни...

Кто сам не песня — тот обычно против песни...

Да, впрочем, на себя из золота забот

На первый случай мы не так уж много взяли,

Как погляжу теперь!

Пополнить груз — нельзя ли?

Чтоб нас уж поделом, а не зазря терзали

Превратности пути...

Вперед, мой стих! Вперед!

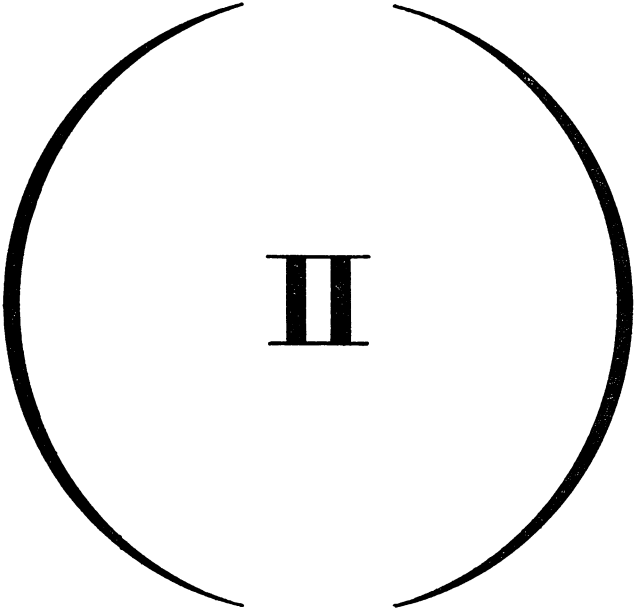
* * *

Есть вопиющий быт, есть вещие примеры,
При всей их важности не лезущие в стих.
Закон стиха суров: он ставит нам барьеры
И говорит: «Скачи, но лишь от сих до сих».

Есть клады ценных слез, есть копи, есть пещеры
Алмазных вымыслов и фактов золотых,
Но муза не придаст им ни малейшей веры,
Пока отделки блеск не заиграл на них.

Как часто темная певца терзает сила!
Как песня бы его страданья облегчила!
Пой, торопись, Орфей! Твой дар тебя спасет!

Уж весь подземный сонм его за платье ловит...
Он может умереть, пока слова готовит!
Но не готовых слов он не произнесет.

Кок заметил: «Если встретил
домового ты, чудак,

То не разбалтывай про это никому!»
А рулевой про домового разболтал,
и это знак,
Что домовый не являлся ему.

Что не ходил к матросу в рубку,
Не курил на юте трубку,
Не мелькал в хитрой мгле за кормой...

Корабельный домовый,
Ах, подай нам голос твой!
Ау! Ау!
Ай-ай-ай!
Ой-ой-ой!

Загляни к матросу в рубку!
Закури на юте трубку!
Рукавичкой махни меховой!..

Волны пенные кипят,
И шпангоуты скрипят,
И у штурвала грустит рулевой...

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ЗМЕЙ

И опять она сидит посреди
Караванного большого пути.
А вокруг нее — следы,

Следы,

Следы,

Следы...

Кто пройдет обутый, кто босой...
Кто проедет на верблюде седом,
Кто — на лошади с багряным седлом...
Чьи-то туфли проплывут, как цветы,
Как цветы, расшитые росой.

А в корзинах перед нею
С медной прозеленью змеи —
Как расплавленный металл,
как густой ручей.

Здравствуй, заклинательница змей!

Заклинательница змей, отчего
Мне не нравится твое колдовство?
Ты как будто что-то лепишь из змеиных тел;
Что ж ты слепишь? — я бы знать хотел!

Вот усатая привсталала змея,—

Ты слепи мне из нее соловья!

Ах, не можешь? Так зачем

надо заклинать

То, что можно только проклинать?

Заклинательница знает,
Что напрасно закликает.
Ну, а что же делать ей,
 что же делать ей,
Бедной заклинительнице змей?

* * *

Восток, прошедший чрез воображенье
Европы,— не Восток, а та страна,
Где зной сошел, как тяжесть раздраженья,
А сказочность — втройне заострена.

Где краски света, музыки и сна;
Шипов смягченье, роз разоруженье,
Жасминовые головокруженья,
В ста отраженьях — комнат глубина.

Сто потолков огнем сапфиров движет.
Сонм арапчат по желтой анфиладе
Бежит — и в то же время на коврах,

Далеких, золотых, недвижных, вышит...
А дым курильниц все мотает пряди —
Не вовсе с прялкой Запада порвав...

ЭКЗОТИКА

Певцам, я знаю, не годится
На гневных критиков сердиться.
Но ведь зоил, не помогая,
Лишь нагоняет маеты,
Между читателем сжигая
И бедным автором мосты...
 Меня корили огорченно
 (Но в огорченье — увлеченно!)
 Экзотику. Окаянство!
 Зоил единство растерзал:
 Вот заказал мне даль пространства,
 А даль времен — не заказал!
В чудесных вымыслах поэту
Мешая странствовать по свету —
Взлетать на Анды, плыть по Темзе, —
Он позволяет мне, друзья,
Быть историчною. Зачем же
Географичною — нельзя?
 Кто на «экзотику» озлобясь,
 От человека спрячет глобус,
 Лишь географию (от силы!)
 С историей разъединит;
 «Забудь, — он скажет, — Фермопилы».
 Но там сражался Леонид ¹!

¹ Известный спартанский царь, с тремястами воинов отстоявший от несметного войска Дария вход в ущелье Фермопил.

Как эти требованья странны,
Куражливы, непостоянны!
Уж ты мне их представил массу!
А ведь попробуй запрети
Скакать летучему Пегасу,
Да он зачахнет взаперти!

Не грех ли, не попрянье ль чести —
Учить коня ходьбе на месте?
Чтоб неменяющийся воздух
Перетирал, как шестерня?
В подобной роли и меня
Вы, друг мой, видеть бы желали?
Но наши вкусы не совпали;
Мне больше нравится без шор
Глядеть на весь земной простор!

Кого «экзотикой» и надо
Шпынять — да только не Синдбада!
И как в передничке за прялкой
Сидеть не станет мореход,
То не мечтай, что этот жалкий
Насест поэзия займет!

Конечно, можно всю планету
Исколесить, катясь по свету
Как будто в бочках засмоленных!
Притом — без дырочек для глаз.
Но способ сей — для закаленных
Паломников, а не для нас,
Людей, сугубо кабинетных.
Ах! Нам для странствий кругосветных
Не требуется ничего.
Мечта наш парус надувает,
Сны — кормят, греза — укрывает...
Ах, нам достаточно бывает
Воображенья одного.

А значит, нам не разориться.
Но то-то и зоил ярится,

Ища: где тот бездонный кладезь,
Тот бестоварный оборот,
С которым можно жить, не тратясь?
(Зоил и тратясь — не живет.)

Но мне теперь (из-за такого,
Как он!) Начать придется снова.
Итак: века кружат в пространстве,
Пространство кружится — в веках. .
Романтик может жить без странствий,
Но без мечты о них — никак!

Ты, время видящий без связи
С пространством,— точно ось без смази;
Зоил!

В огромных странах света
Вещей, могу тебе сказать,
Такая уймаща!

Уж две-то
Из них ты мог бы и связать!..

КОРАБЕЛЬНЫЙ РАЙ

(Сказка)

Пусть кораблям, погруженным на дно, сны о счастье
не снятся:
Тяжко им так, что и к Судному дню им теперь
не подняться!
Много моллюсков на нихросло, еще больше — печали.
Эй, не горюй! — уже то хорошо, что летели и мчали.

Пена с бушприта в четыре ручья кружевного
стекала...
Как — в предрассветной свинцовости — кровь
фонаря иссякала
Грозно! Но козни такой на борту океан
не запомнит,
Чтобы фрегат быть собой перестал до того,
как затонет.

Бледное облачко вдруг разрасталось, отстав
от эмали
Штиля,— и призраки тьмы у матроса штурвал
отымали...
Взрыв! Но ни страсти такой на борту, ни такого
подвоха,
Чтоб галеон, до того как рассыплется, выглядел
плохо.

Флинта и Моргана, впрок, погружая их рожами
в пену,
Море влекло и тащило; других выдвигало
на сцену...
Кровью обрызганным грузом крошечные трюмы
набиты
Были. И жертвы напрасно просили у неба защиты.

В чем же романтика? Может быть, в том,
что чудовищных месив
Не осязали в себе бригантины, лишь главное
взвесив?
Как бы ни смачно ругался впотьмах и ни сплевывал
кто-то
Так же высоко неслоь очертанье высокого грота!

Есть у вещей Силуэт. Не должно в него лишнее
вкрасться.
Кто очертанье унизит, тому и другое удастся.
Кто-то их палубы зря попирал, кто-то смерть
их приблизил,
Но силуэтов летящих никто никогда не унизил.

Странные! Бог весть кому потакавшие в темных
затях!
Так никогда и не знавшие тех, кто летел
на хребте их!
Спят. Но остался их контур в сердцах до последнего
сгиба.
Мчущий, летящий на всех парусах! Непокорный.
Спасибо!

Вот мне и снится, что время придет, и хотя
затонули,
И, несмотря что, как нить золотую, не всю
дотянули,

Не дотянули, прервали они свою песню
о счастье —
Судного дня золотая труба их разбудит отчасти.

Призрачный ветер подымет, в темные щели задувши;
В рай корабельный взойдут кливера —
их бессмертные души,
А корпуса только глубже огрузнут, осядут и канут.
Вот уж тогда-то их старые раны болеть перестанут!

Эй, не горюй, старина, что непросто им с якоря
сняться!

Пусть кораблям, погруженным на дно,
сны о счастье не снятся;
Пусть хоть и много моллюсков на них,
хоть и много печали —
Жизнь их была уже тем весела,
Что летели и мчали...

* * *

Липа зацвела у перекрестка;
Ствол корявый,
 а цветы ее легки.
Книзу, книзу катится повозка,
Волы послушны,
 на рогах у них венки.

Солнце за деревьями склонялось,
Так казалось,
 будто вовсе не зайдет!
Только
 лёгкой дымкой заслонялось,
Назавтра ясный
 обещало небосвод.

Ветром не испуганный нисколько,
Лист жасмина
 уловил зарницы дрожь;
Ночью
 дождь накрапывал тихонько,—
На шум ненастья
 не был шум его похож.

Утра полусонная прохлада,
Чуть порхая,
 пересиливала зной;
Знала,

Что грозой считать не надо
Роптанье сада,—
запах свежести ночной...

Липа
Зацвела у перекрестка;
Ствол корявый,
А цветы ее легки.
Книзу,
Книзу катится повозка,
Волы послушны,
А дороги — далеки...

РОЩИ ВЗГЛЯДА

Мой опыт? Он — частный. Но он
да не канет.
Злодей мой? Он только мой личный
злодей.
Так что ж? — и для общества
злейшего зла нет,
Чем личные недруги частных людей!
Пусть частных, но честных людей.

I

В море ночи закат уносит
Облаков последние щепки.
Сад уж темен. Но есть и в доме
Моему вниманью зацепки:
Стул вертящийся, белые флоксы
И шиповника алые репки.
Свежесть сумерк листопада,
Разлетающаяся тихо,
Под плетни наметала листьев —
Пятен бронзы, пурпура, жмыха...
Странно! Ветер и свет на небе,
А в саду и темно и тихо.

А надолго ли?
Скоро с тьмою
Поменяется свет местами;
Пышным жаром сад запылает,
Но чернее на небе станет;

Облаков золотые щепки
Ночь потопит в своем океане.

...И цвета, расплетаясь, гаснут.
(Их союзничества некрепки.)
Ну и что ж, коли в сад не выйдешь,
Что ни зги с крыльца не увидишь?
Благо сумеркам! —

Есть и в доме
Зренью слабущему зацепки:
Флоксы белые,
Стул вертящийся
И шиповника рдяные репки.

...«Во живут! — ненавистник скажет,
В обрастанье вещами готовый
Уличить мой дом.— Во мещанство!
Во буржуйства образчик новый!»
Да какие же это вещи?
Глянь как следует, бестолковый!

Приглядись: где ты видишь вещи
Для удобства жилья и для носки?
И не думай в мое хозяйство
Облаков записать полоски...
Эх, да где тебе догадаться,
Что не есть предметы богатства:
Кот на лестнице, гвозди, клещи,
Шум деревьев, стихов наброски...

Да, прекрасен шиповник спелый,
Закатившись под купол белый
Из соцветий благоуханных!
Но утешься: цветы завянут,
А шиповника ягод рдяных
В этом доме варить не станут.

Стул вертящийся ты называешь
Вещью в доме? Прошу прощенья;
У меня голова кружится
И без этого винтовращения!
Я ни разу не отдохнула
И на краешке этого стула,
А держу его для украшения.

(Ты не слыхивал, для примера,
Что такое «болезнь Менъера»
И ее всевертящая сфера?)
Но бесплодны с завистником споры!
Что ж... Лишенного в мыслях опоры
Я бы, злобного, приговорила
На вертящемся стуле (который
Мне старушка одна подарила)
День за днем вертеться, вращаться —
С твердой почвой навек распрощаться!

Как прославленная Франческа
В нестихающем вихре ада,
На вертящемся стуле этом
Парню вихрем завиться надо!
Одновременно грызть шиповник,
С колким пухом внутри, невареный.
Это днем. А на ужин — флоксы
Должен нюхать приговоренный.

II

Тихо в доме. Стемнело вовсе.
Только шелесты вдруг пробегают:
Осыпающиеся флоксы
Как бы шарканьем слух пугают
Грозным; шепчут, остерегают...

То цветы, объявляя ропщуше
Об отлетах своих и отплытьях,
Отрываясь от шапки общей,
Повисают на мягких нитях.

Я пугаюсь, воображая:
Это страх пробегает по коже,
Прямо в сердце меня поражая
За какой-то проступок, похоже!
 Беспокойно впотьмах. (Но лампу
 Зажигать не хочется тоже.)

Да... С моей стороны жестоко,
Даже слишком жестоко было,
Что к вращающемуся стулу
Я завистника приговорила,
 Пожелав несчастному
 вихрем,
 Как Франческа в аду, завиться,
 Дни и годы волчком вертеться,
 Никогда не остановиться!

Тáк вот, нá ночь, на сон грядущий
Намечтаешь себе на шею...
— Ладно, дерзкий, слезай со стула,
Так и быть! — говорю злодею.—

Уж в очах у тебя, наверно,
Тьма и неба с землей слиянье!
А ведь это мое обычное,
Каждодневное состоянье! —
Так с достоинством знатока я,
Даже собственника, сказала.—
— Есть — ты знаешь? — болезнь такая...

Но... с вращающегося стула
Негодя как ветром сдуло,
Словно от роду не бывало!..

В тьме осенней, как в теплом коксе,
Грезит дом перед долгой зимою.
Чуть белеют — пятнами — флоксы,
А шиповник сливается с тьмою.
В шаткий стол упираю локти.
Приуныв, я догадки строю.

Скоро крыша над головою
Протекать начнет понемногу
Да и лестница развалилась,
А нельзя починить, ей-богу!
Потому как подорвана база:
Табуны мои в данное время
Далеко — за горами Кавказа;

В сокровищницах — ни алмаза!
А карманные, зыбко-туманные
(Кто связал их заботами прозы?),
Долго то «улыбались», то «плакали»,
А теперь — улыбнулись сквозь слезы
Но зато недугов так много,
Что знакомцу-врачу не под силу
(Славный медик! Не то что больного,
А здорового вгонит в могилу!
Вместо клятвы врача Гиппократа
Клятву страшную дал он когда-то,
Доконать меня, раз нездоровая!)

Но не эти меня смущают
Преходящие, в общем-то, вещи...
Ты, завистник мой,
ты, ненавистник мой,
Озадачиваешь похлеще!

Ну какой здравомыслящий злыдень
Позавидовать мог бы на деле
Пыткам памяти, старому платью,
Дырам в крыше, болезням в теле?!

...Вот уж лампу зажечь пора бы,
Да боюсь: при ней растеряю
Даже звенья догадки слабой...
Лоб усиленно растираю;
В чем тут... Нет! Не могу догадаться.
Так недолго, глядишь, и зазнаться!

...Ах! Прискорбной гордыни примеры
И предерзкой гордыни бывают,
Если маленького поэта,
Как великого, одолевают!

Перед гением благоговая,
Ног его коснуться не смея,
Не страдая тщеславием люто,
Примечаю: козни злодея
Весь мой нрав изменяют круто!

Я торгуюсь уже, как ветошник;
Вот и я, знать, немножко художник,
Если зависть питаю чью-то!

С великанами духа равняться —
И нескромно, и, в общем, доука.
Но, стерпев от завистника отповедь,
Поневоле подумаешь: «Вот ведь!..
И в веках такая же штука!»

Привыкая к фигуре Сальери
(Слишком частой в твоём интерьере),
Занесешься, сумняшишься ничтоже!

Не захочешь, а сделаешь вывод:
«Ах, не только с такими, как мы, вот;
Так бывало и с Моцартом тоже!»

Что ж... Видать, нам нельзя не завяисить
Тех (быть может, полезных?) амбиций
Благородства! — которых завистник
Все равно от нас хочет добиться.

III

...И луна встает одиноко
Над лесов бесконечным биваком.
(Не дает мне уж более срока
Между сумерками и мраком!)

Сноп цветочный в посуде стеклянной
В битве с бабочкой, гучной, шафранной,
Проломившейся в дом из сада,
Осыпается в беспорядке...
Не включить ли свет?
Нет, не надо:
Я еще ведь не знаю разгадки!

Чем же кормится зависть?
Ни ранчо
У меня, ни коровы в краале,
Ни аренды, ни гасиенды,
Ни идиллии, ни пасторали,

Ни замашек рантье...
Понемножку
Я живу, всякой малости рада.
Я владею подобием сада
Шириною с ладошку.
А дале?

Дале?
Разве только уж рощи взгляда?
Начинаются,
 Простираются,
 Не кончаются
Рощи взгляда

Моего...

Я встаю и включаю
Свет повсюду. Все вещи — на место!
Ибо, кажется, наконец-то,
Наконец-то я, кажется, знаю
О пружинах безудержно злобной,
Без вины беззащитному мстящей,
Козни строящей,
Небо коптящей
Черной зависти, аду подобной!
 Нет, не ветхая эта светелка
 Ненавистнику ревность внушает.
 Нет, не собственная метелка
 Не фамильный мой веник мешает
 Спать ночами изделию ада...

О Мадонна! Ведь это ж надо!
Он таким оказался пропащим!
Он завидует Рощам Взгляда!
Сочиненным, как настоящим!

Незаконному сыну природы,
Мировому рантье и злодею
Жаль, что вымышленными садами,
Замком призрачным я владею
И любую даль называю,
Не присваивая, своею!

Как бы мне ни хворалось в свете
И какой я ни выгляди робкой,
На каком расплохом табурете

Ни сиди я за скромной похлебкой —
По каким-то моим движеньям
Он догадывается — я знаю! —
Что я в рощах Титании нежной
И в садах Оберона гуляю
 И что путь мой туда и обратно
 Мне обходится, дерзкой, бесплатно!

Этим выведен совершенно
Из себя мой противник бывает!
И доподлиннейшую анафему
Мне на темя — из туч — призывает!
Кару, самую тяжкую в свете, —
Войны, мор, пристрашнейшие струпя! —
 За блаженные вылазки эти,
 За филонство внутри трудолюбья,
 За — внутри недостатков — роскошность
 Грез... И отдыхов этих победу...
 Особливо же на невозможность
 Взять билет и пуститься по следу!
 Моему...

Как бы мне ни хромалось на свете,
Я — в его представлениях — еду
Шестерней в золотой карете,
В золотом убранстве... Ни тряски,
Ни преград на пути не зная...
 Потому: у меня есть краски.
 И одна меж них — золотая.

Что ты взыщешь с несообразных,
Диких и неестественных плутов!
Эти дурни,
Духовные блага
От досады с житейскими спутав,

Вещи рынка не отличают
От поэзии атрибутов!

Тучный баловень благ житейских
(Тип, как правило, в благах везучий),
«Во живут!» — громыхает филистер,
Встретив баловня слов и созвучий.
И, на эльфов моей усадьбы
Устремив пепелящие взгляды,
Патетично ворчит: «Отобразь бы,
Да и сдать бы в аренду, под склады!»

Эх, простак! Да ведь как ты отыметь?
Как вопрос об аренде подыметь?
Ведь не куплена же и не строена,
А записана, торжествуя,
На летающей паутине,
В мягкопёрой небесной сини
Асиенда, где в грезах живу я!

Вот откуда и недоразуменья
Относительно денег с имения;
Вот зачем гульденмейстера злого
И торговца во храме природы
Сокрушенное сердце страдает;
Чует вроде: случились расходы,
А в каком выраженье — не знает...

И отсюда же — горечь позора.

Для смятенного его взора
Жизнь поэтов такое же горе,
Как для яростного гувернера —
Мальчик, знающий дырку в заборе
И легко от карающей трости
Ускользящий в тайные рощи —
Рощи взгляда!..

Род людей повстречав непонятный,
За которыми блеск незакатный
Вымысла, и престолонаследность
Певческая, и расцвет созвучий,
Красок щедрость, понятий небедность
(Говорю уж не столь о себе здесь!),
Наш зоил — даже самый везучий! —
Кулаком вослед потрясает;
«Во живут,— говорит,— богатеи!
Но безвкусны богатства затеи...»
И в бессилье локти кусает,
И о жизни вздыхает лучшей...

* * *

В море ночи закат уносит
Облаков последних обломки...
Но окно обозначилось резче.
В доме есть преотменные вещи,
И еще их не скрыли потемки;
Стулья, флоксы, шиповник спелый
С пухом белым в алой котомке.

И вчера был вечер погожий —
Я в полкисти его набросала,
Как могла... И сегодня — тоже;
Та же бабочка с флоксом плясала,
Так же, вслух, лепестки облетали...

Но, в сравнении со вчерашним,
Что-то новое нашептали
Звуки вечера ларам домашним!
Чтоб художников подвиг продолжить —
Я — давно ли?! — и думать не смела.
Но и я, знать, немножко художник,
Коли недругов рать заимела?

Быв слугой высочайшим маэстро,
Не искала я их эвереста,
Лишь склонялась внизу, у преддверья,
Но... спасибо злым людям!

(Напору

Злобы, дувшей нам в спину,
Злобы, гнавшей нас в гору —
К мастерам!)

Не на худшее место
Не последнего их подмастерья
Уж без страха вступаю теперь я!

И, предвидя, что это событие
Для завистника будет ударом,
«Мы» — намерена впредь говорить я
О себе и о мастере старом.

У людей дарования разны:
Те из гипса, а эти алмазны.
Но у всех, КТО РАБОТАЕТ, силы
Одинаково на пределе
Пребывают в мирской канители.
Дерзко? — что ж... Ведь меня и зоилы
Скромной видеть никак не хотели;
Не иначе как в тронной зале
Табурет мой поставить дерзали,
И за это ж мне сами терзали
Душу живу...

...Какой побочный
Сын природы,
ошеренный злобно
Вельзевульчик, с картинки лубочной
Соскользнувший,
Зоилу подобно

Позавидовать мог бы на деле
Пыткам памяти, старому платью,
Дырам в крыше, болезням в теле?!
Ты, завистник мой, ты, ненавистник,
До конца оказавшись пропащим,
Позавидовал Рощам взгляда!
Сочиненным, как настоящим.

В этом факте, смиренные слишком,
Мы, художники, гордость обрящем!

И хотя дураку известны
Наши горести все и напасти
(Ибо к этому делу старанья
Он и сам приложил отчасти);
И хотя о таких же точно
Для себя он навряд ли мечтает,
И хотя нашей трапезе скромной
Ужин собственный предпочитает,
А с вращающегося стула
Вроде сам добровольно слетает —

Все равно остается что-то
(Что бы это могло быть такое?!)
Выпадающее из расчета,
Не дающее дурням покоя...
Все равно глухая забота
Отпустить их сердце не может;
Нечто странное, непонятное...
То, что вечно их завистью гложет

К тихим людям воображенья,
К обращению их простому,
К их фигурам, в тряпье одетым,
К безусловно бедному дому.

ПЕСНЬ О «ЛЕТУЧЕМ ГОЛЛАНДЦЕ»

В прибрежных лугах и полях,
В синеющих сумерках летних
Лежит деревушка — в последних
Слипающихся огнях.

Там дети отходят ко сну.
В то время как бриг над пучиной
Летит, словно ангел холстинный,
Крылом осекает волну...

Уже в деревушке темно.
Но, слабнувшим отблескам вторя,
В ней теплятся лужицы моря
(В залог, что вернется оно).

А бриг повернулся
и вдруг
За шхуной рыбачьей погнался...
И крен — трепет нового галса —
Его искажил, как недуг.

За свалкой, где дети играли,
Песок бело-розов, как днем,
Но лужицы серой эмали
Горят демонически в нем.

А бриг удержался едва...
Сейчас его снова подбросит...
А ветер все шумы относит,
Лишь странной команды слова

В отдельной звучат тишине...
Мрак ночи порывист и душен.
Уж буря валит из отдушин
И люков, невидимых мне...
 Когда и откуда поднялся
 Тот ветер? От корня волос?
 От этого ль нового галса?
 Нет! Судно не ветер принес,

А самое судно
 Давно
Несло в себе ветер да бурю!
Недаром
Лишь брови нахмурю —
И в море возникнет оно.

В КРАЮ СНЕГОВ

На белом небе снежные хребты —
Две белезны слились неразделимо.
Здесь только что был кто-то: вот следы —
Упряжка псов и нарты пилигрима.

Осыпанные хлопьями с высот,
Молниевидны, судорожны сосны,
А подо льдом — сокрытый мерный ход,
Тяжелый ход реки золотоносной.

Но слышно мне, как путается строй
Волн подноготных, звон сбивая в грудь
При застыванье, застреванье струй
Во льду, подвертывающемся всюду...

Что ж день так ясен, если так угрюм?
Ждет ночи зренья, раненное светом,
Но медлят сумерки, как тугодум,
Пешком пошедший в город за ответом.

Лишь наста зачарованный покров
Уже не так блестит неумолимо;
Чуть зеленее облако ветров,
Чуть легче след упряжки пилигрима...

На льдистой желтизне индейских гор
Дымится мира замысел первичный...

На рукавицах — странный цветохор:
Цвет аспидный, сиреневый, горчичный...

День гаснет. Безначальное вокруг
Молчанье, не сулящее открытий.
Царит пустыня снежная. И вдруг...—
Своя же варежка! Расцветка нитей...

ЦЫГАНКА

Развеселые цыгане по Молдавии гуляли
И в одном селе богатом ворона коня украли.
А еще они украли молодую молдаванку:
Посадили на полянку, воспитали как цыганку.

Навсегда она пропала
Под тенью загара!
У нее в руках гитара,
Гитара,
Гитара!

Позабыла все, что было,
И не видит в том потери.

(Ах, вернись,
Вернись,
Вернись!

Ну, оглянись, по крайней мере!)
Мыла в речке босы ноги, в пыльный бубен
била звонко.

И однажды из берлоги утащила медвежонок,
Посадила на поляну, воспитала как цыгана;
Научила бить баклушки, красть игрушки
из кармана!

С той поры про маму, папу
Забыл медвежонок:
Прижимает к сердцу лапу
И просит деньжонок!

Держит шляпу вниз тульею...
Так живут одной семьею,

Как хорошие соседи,
Люди, кони и медведи.

По дороге позабыли: кто украл, а кто украден.
И одна попона пыли на коне и конокраде.
Никому из них не страшен никакой недуг,

ни хворость...

По ночам поют и пляшут, на костры бросая хворост

А беглянка добрым людям

Проходим

Ворожит:

Все, что было, все, что будет,

Расскажет,

Как может...

Что же с ней, беглянкой, было?

Что же с ней, цыганкой, будет?

Все, что было,— позабыла.

Все, что будет,— позабудет.

ПРЕДРАССУДКИ

О эти светские пустые предрассудки,
С унылой чопорностью ждущие от нас
(Для вящей светскости!) то грубой сальной шутки,
То откровенности, лишенной всех прикрас!

О вы, условности, и вы, ужимки света!
С какой-то ханжеской свирепостью уже
Грозящие не взять, так вырвать у поэта
Стишок про сеновал и Дуньку неглиже!

Свет, скорый на запрет, холодный, лицемерный,
Благопристойности и тона страж манерный!
Порвать бы цепь твою, пока твой Аргус спит,

Связаться, одичав, с Брезгливостью порочной
И право на отказ от Скважины Замочной
Украсть, как яблоко в садах у Гесперид!..

* * *

В поэтах числиться и никогда заборным
Словцом не выругаться — сушая беда!
Пятно на совести. Участье в деле черном.
Клеймо, которому не смыться никогда.

Есть что-то пресное и штатское в отказе
Певца от крепких слов. Увы, но это так.
Держась пристойности, ты вроде как... слизняк!
Иуда! Бледный клерк! (Его комками грязи

За бледность гнусную всегда мальчишки бьют!)
Ты не гусар! Ты шпак! Зануда из зануд!
Ты сухопутная, прошу прощенья, крыса!

Взлет поэтический тебе не по плечу!
Да, знаю-знаю... Здесь моя погибель скрыта
Но... почему-то я ругаться не хочу.

СТРАХ ЛЕСОВ

Я знаю выбор и замену.
Измены выбору — не знаю.
Я на растений пестрых пену
Нелюбопытный взор кидаю,
Чужих растений не задену,
Свои — из тысяч угадаю,
Но лес мне страшен. Леса плену
Я вольность роц предпочитаю.

Да, темен лес!
Верленов даже!
Лес даже галльский, даже южный,
Хоть и просвечивают пляжи
Там за грядой берез жемчужной,—
Пугаясь, вижу сквозь миражи
Листвы, соткавшей круг наружный:
Есть круг седьмой! — мрачнее сажи —
Внутри системы семикружной.

В том круге умысел злодейский
Лежит у корневых подножий,
Предательский и лицедейский,
Угадываемый по дрожи
Руки! В том круге лес Содрейский
И Муромский — одно и то же,
Кто там ни сгинь: крючок судейский
Или купец широкорожий.

Сказала бы: степенность шума,
Поток живого малахита —
Хоть и гроза для толстосума,
Зато отшельникам защита...
Но там, где чаша так угрюмо
В мешок тоски своей зашита,
Одна и та же кружит дума
И для купца, и для пиита.

То мысль уныния и страха
Здесь от насильственного бденья
Купца покинет дух размаха,
Певца — отрадное виденье;
Примнится нож, топор и плаха,
Ингриг и бед хитросплетенье...
Судьба — слепая тонкопряха,
Святых отшельников паденье.

В том круге ведьминского блюда
И в дуплах — фосфорного жара
Прохожему не будет чуда,
Судьбы негаданного дара,
Ни посланного ниоткуда
Разбою встречного удара,
Ни благородства Робин Гуда,
Ни покаяний Кудияра.

Там веет духом святотатства,
Кошмаров криком безголосным;
Там состязателей злорадство
Стяжателя оставит с носом.
Но и души людской богатства
Там пользуются тем же спросом;
Вон — над душой идут ругаться
За предводителем безносом —

За тенью тень...
О нет! Не стоит
Корежить чашу без разбора!
Кто рушит лес — да не построит
И долговечного забора!
Да небо на плечах покоит
Земли священная опора.
Но... что ж так тонко сердце ноет,
Так заунывно в чаще бора?

В том круге, где, теряя зренье,
Своих деревьев лес не знает
И лишь другие измеренья
В родном кошмаре вспоминает;
Где духа никнут воспаренья,
Где корень странника пинает,
Где книгу вещего творенья,
Закрыв, никто не починает.

Да, темен лес...
В том (даже грубом!)
Забвенье; в дали плоскодонной,
В оцепенении сугубом;
Прямой, самозавороженный,
Где он не связан с троегубым
Бегущим зайцем, с вербой сонной,
С жасмином белым, с верным дубом,
С березою пеннорожденной!

Где мох — как плесень в идеале;
Всё та же мерзость запустенья,
Но чьи охлопя в рай попали
Под видом честного растенья!
И вот — чисты, как на эмали.
(«Кабаллы» новое прочтенье!)

Но веют памятью печали
И беспокойством отвращенья.

Пушась, водой надувшись пресной,
Стоят на ножках мягкой позы.
Но нет на них черты небесной,
Нет чувства вынудой занозы!
С тоской гляжу на мох чудесный,
И холодно вскипают слезы,
Пока из заросли окрестной
Пеннорожденные березы
Ни хлынут — всей толпой — на сцену,
Как чайки, сбившиеся в стаю...
Нет! — хвойных пасмурную стену
Я кровью сердца не питаю;
Я прозреваю в них измену.
Измену без конца и краю!
Я их участью знаю цену.
Я рощи вязов выбираю!

МЕЛАНХОЛИЯ

Богопротивная, дрянная вещь — тоска!
Три вида есть у ней, самым грехом творимых:
Тоска ни по чему. Тоска из пустяка.
Тоска по случаю причин непоправимых.

Тройная эта блажь особенно близка
Нам, людям севера. В умах неутомимых
Мы сотни смастерим себе терзаний мнимых,
Пока судьба и впрямь не стиснет нам бока.

Вот так, из ничего, мы с важностью умеем
Чудовищ создавать! Гордясь душевным змеем
(Таким тропическим, когда кругом зима!),

Его мы пестуем. Но нет в нас мысли ясной,
Что здесь мы — не одни; что и к другим в дома
Нет-нет и заползет наш баловень ужасный..

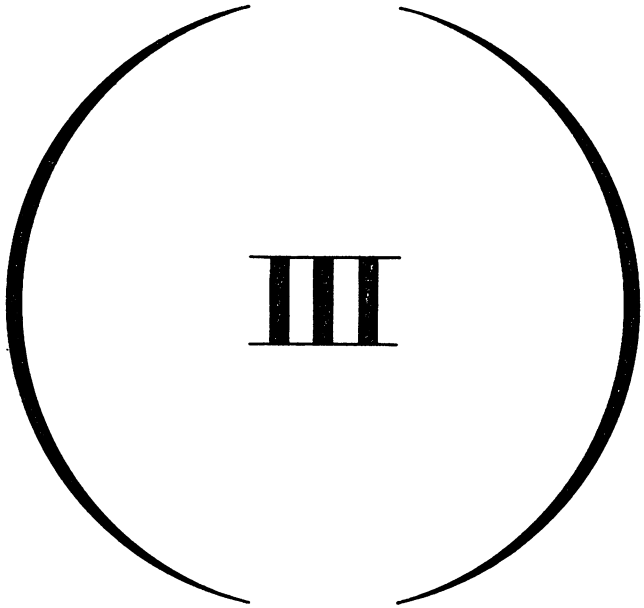
ПРОГУЛКА НА ЗАГОРЯНКУ

Предлинный тот мосток, должно быть, канул скоро,
Так низко он сидел! По всей его длине
Мы — словно по столу для чайного фарфора
Кувшинок! — шли гуськом, с водою наравне.

В тот день мы: брат, сестра да я (поближе к маме!) —
Под знойным маревом верст пять прошли пешком!
А Лютик, фокстерьер, хоть был все время с нами,
Все двадцать отчесал! Внезапно (мех торчком!)

Чужак, завидуя звезде над каждым глазом
Красавца Лютика, в него вцепился разом!
Тот еле вырвался! От сердца отлегло...

Мы обувь за шнурки несем, домой шагая.
Смотри! Луна взошла! Блестящая какая!
Здесь, на земле, еще, а там — уже светло.

ГОСПИТАЛЬ

Окован стужей госпиталь военный
Рассветный, сизый, мертвенный мороз
Нет-нет и звякнет утварью бесценной —
Пробиркой льда на пальчиках берез.

Березы снег рассматривают ранний,
Как бы ища пружину западни...
Медсестры, подбирающие раненых,
И те не гнулись ниже, чем они

Они к земле промерзлой клонят ухо
В безмолвии, должно быть, слыша гром
Войны, докатывающейся глухо
До их подкорня призрачным ядром,

Ядром подземным, прячущимся в норах
Кротовых и полевкиных. В углах,
Уже не разорить ему которых,
Но где — щелчками — бьет по стенам страх

Ядро летит в земле. Приткнется сбоку,
Родив зловещих полчища свищей,
Поискривив к неведомому сроку
Зверей костяк, рост листьев, ход вещей...

Вот так, остановиться где не зная,
Как бесконечным змеем шнур-запал,

По всей земле ползет волна взрывная...
Все спали. Спало все. Никто не спал.
Не спят березы: в поле, на развилке,
У водокачки клонятся... Видать,
Везде в снегах им чудятся носилки:
Еще чуть-чуть нагнуться — и поднять!..

Рванет состав на горизонтах дальних,
Простонет раненый,— болит рука...
Не спят березы в рощах госпитальных.
Не сплю и я же, дочь политрука.

То думаю о жизни бестолковой,
То утешаюсь: вот приедет мать
Пить чай у партизанки Стрижаковой,
Стихи о розе раненым читать...

Не спят березы там, где лес и пашня:
На рукаве их марлевым вдали
В каскаде искр, дыша тепло и влажно,
Восходит солнце — Красный крест земли.

В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Темный вечер. Фабрика. Над нами —
Низко-низко! — самолет с крестами
Проскочил на бреющем. Прегрубо
Скребанув чуть не по крыше клуба.

Уловил мой взгляд (тогда беспечный),
Что сидел в кабине странный видом
Человек: с почти остроконечной
Головою в шлеме глянцеви́том.

Я, пригнувшись после громосвиста
Крыльев, обозначившихся мглисто,
Взвешиваю ценные детали...
Вот! Теперь мы видели фашиста,
А другие дети — не видали!

Завтра утром
 перед целым светом
(В плане частном, детском и фабричном)
Будем мы рассказывать об этом
Приключенье нашем необычном!

Но... кому расскажешь? На поселке
Всякий шкет теперь всерьез играет.
И снарядов бешеных осколки
На фабричной свалке собирает.

Всем видны огонь и в небе гонка.
Детства зря теперь никто не тратит!
За глаза на каждого ребенка
По сто штук теперь фашистов хватит!

Это очень плохо и печально,
Что фашист устроил канонаду
Не для нас с сестрою персонально,
А для всех детей и взрослых кяду!

И встает законченно-округло,
Жизнь в моих глазах...
И скукой веет...
И фашист — чудовищная кукла
Детского тщеславья — дешевет.

Никого теперь не удивишь им,
Никому за собственность не выдашь.
Скажешь: «Видела, рванул по крышам...» —
Скажут: «И не то еще увидишь».

...Мы идем неспешными шагами.
За спиной Москва — там бьют зенитки.
Частыми, как дождь, прожекторами
Ночь высвечивает нас до нитки.

«Крестовик» давно опередил нас,
Из незримого прорвавшись ряда.
Страшное вперед перекаатилось —
Прятаться? Или уже не надо?

Мать, укутав маленького брата,
На руках несет его Поодадь
Мы с сестрой... Болезненно-крылато,
Словно четверо святых по водам,

Как во сне (скорей своей трубою
Прореви ты нам, сигнал отбоя!),
Словно рой теней к своей пещере,
Мы скользим к убежищу на сквере.

Там, внутри, уже толпа большая:
Съежились на узеньких скамейках,
Малышей кричащих утешая,
Женщины в платках и телогрейках.

Впереди — как будто тень загиба,
Как в манящем лабиринте Тома...
«Ты туда заглянешь?» — «Нет, спасибо.
Я уж знаю все. Мне лучше дома».

Братец, бледный после встрясок разных,
Спит среди ночного беспорядка...
И в моих мечтах несообразных
Проступает старческая складка.

Рассказать бы перед целым светом
О богатстве Мавра,
Ирвингом воспетом,
О бесчестном Урии, о Скрудже!
Но о подземелье вот об этом
Где, кому расскажешь?!
Все мы — тут же.

Скука войн... И в сумраке гнетущем
Я задумываюсь о грядущем.
Да. Мы это все расскажем детям.
Только уж теперь другим, не этим!

Юного гашу в себе рапсода.
Говори, раз нет со сказкой сладу,
Про дела Синдбада Морехода,
Но другим — не самому Синдбаду!

ХОМА БРУТ

Как только подумаю о плачевной
Участи Хома Брута
(Не столь великого грешника,
Сколько наивного плута),
Диву даюсь: а каким манером
Вся та нечистая сила
Христианина — да в божьем храме! —
Как курицу придушила?
Да как дозволить могли такое
Святым угодников лики?
Неужто храмовы стены слабее,
Чем петушины крики?
Но низости не противустали
Священные стены эти.
Доколе мог, спасал издалёка
Хому петух на рассвете.
Сказка и есть, уж понятно, сказка:
С нее и взятки гладки.
Вот и закатывай нам, Рассказчик,
Сказки, а не загадки!
Да чем же это
Божьему свету
Отступники взор застлали,
Что православного, и за молитвой,
Еще и... врасплох застали?!
Смеялся или грустил Рассказчик,
Когда в освященном храме,

Святыми расписанном образами,
Пропал человек, как в яме?!
Навряд Рассказчик и сам не заметил,
Что страшный час неровный
Вершился
Под любопытным взором
Живописи церковной!

То-то и есть! Это ты виною,
Ты, адская Византия!
Таких и грешников не бывает,
Какие у ней «святые»:

Долгие лица, носы как спица...
(Гляди, богомолец, в оба!)
«Младенцы» — кажутся старичками,
Которых скрючила злоба!

У «мучеников» из-под платьев ножки —
Двойные черные жальца;
Острей наконечника стрел ядовитых
Их головы, с кончик пальца!

И, верно, на ввысь «страстотерпцев»
тянут

Золото и самоцветы,
А вниз, как положено...

Вот так «святые»!
(Святая бедность, где ты?)

Ох, как подымешь глаза на эти
Царские, цвета мясного,
Ризы — уронишь голову долу
И уж не вскинешь снова!

И — ни ответа тебе, ни привета
От «ангелов»! А улыбнутся —
Углы улыбок усами гороха
Так страшно вверх завернутся!

Ух, как заглянешь в эти очи,
А в них — ни капли пощады!

Глянешь на складок златокирпичных
Рушащиеся фасады —
 Не философия, скажешь, заела
 «Философа»
 Хому Брута,
 А живопись! (Хотя и красок
 Он в руки не брал, как будто...)
Простой петух на жердочке шаткой,
Да пощадит тебя повар!
Церковной живописи и Вия
Ты помнишь ли адский сговор?
 Знаю, не станешь ты мне прекословить,
 Что только Византия
 Могла из церкви святой приготовить
 Дворец-резиденцию Вия!
Петух простой на жердочке тонкой!
Ты помнишь философа Брута?
Знаю, ты спас бы его, дружище,
Когда бы еще минута...
 О, друг философа, крошка могучий!
 Не спи!
 Кричи!
 Витийствуй!
Чтобы повыцвели хитрые краски
И чтоб уж никто не пропал по указке
(По молчаливой, но внятной подсказке!)
Стенописи византийской.

* * *

После тягости, сокрушения,
После Погока мрачных глаз,
После первого превозможения
Сна кошмарного в поздний час

Между звуков неясных вдруг
Разрастается внятный звук:

Над морями тумана бездонными,
Поглотившими шлюпку зари,
Высоко — со своими салонами,
Озаренными изнутри,

С тихой музыкою, в огнях,
С пассажирами в сонных ремнях —

Самолеты летят на Внуково,
Возвращаются на аэродром.
И не слышно опять ни звука вам
В тихом сумраке ночи, сыром.

Но, предчувствия, что вот-вот
Утро в далях белеть начнет,

Беззаботнее вы засыпаете.
И, уже искушенные в снах,
Свесив руку, лишь пальцы купаете
В их далеких и светлых волнах...

* * *

Мимозы вырастают из песка
Здесь, у границы Калахари мрачной
Полету золотого волоска
Подобен их обвод полупрозрачный,

Сияющий с отлогости холмов.
И странно в этой области горячей,
Обваренной дыханьем капских львов,
Так странно видеть этот пух цыплячий!

Цветок трэк-буров — корм для их коней,
Когда пространства
Лишь томят обманом
И пастбищ нет. И корма нет тучней,
Чем этот шарик, верный теплым странам.

А пылкий дух мятется, одинок,
И бредит освоеньем желтых далей...
Так, слыша дробный топот антилоп,
Простые овцы рвутся из краалей.

* * *

Волны бегут,
 белый песок лаская,
Клочья травы
 всюду с собой таская,
А в глубине
 тихо лежит морская —
Очень большая, странно большая! —
 Раковина.
 Вижу ее
 В солнечную погоду;
 Вижу: прилив над ней подымает
 синюю воду
 И в глубине (ах, глубина какая!)
 Великанья раковина,
 Как росинка маковая,
 Кажется мала.

То пропадет,
 то под водой проглянет...
Море сожмет,
 Море ее растянет...
Но все равно
 ближе она не станет:
Как далека в небе звезда —
 Так и она.
 Вижу ее
 В пасмурную погоду;

Вижу: отлив над ней завивает
Темную воду...
Кто мне ее, ах, кто мне ее
Достанет?
Водолазил водолаз —
Водолазу не далась!
Чья тут вина?

ТЯСОГУЗКА

Поистине, я знаю, трясогузка,
Была бы до суровости серьезна
Твоя из черно-белых нитей блузка,
Не будь ты так резва и грациозна!

Но что тебе и красок перегрузка?
Лишь перышком да тушью скрупулезно
Рисованная, реешь... И — бесхозна,
Свободна по песку твоя притруска.

Ты вся — рисунок на этрусской вазе! —
Составленная с тактом безупречным
Из быстрых линий, точных, словно токи,

Порхающая по кустам приречным,
Не знающая ни пылинки грязи —
Знак высшей пробы серебра протоки.

* * *

Глухой зимы коснеющий триумф.
Подобнокладам, реки на замке.
Вдали снегов извозчичий треух
Простер крыла, как муха в молоке.

Сжимает стужа влагу в кулаке.
Прольет ли ее, пальцами тряхнув,
Весной далекой? Ворон на суке
Молчит, ни слова,— точит серый клюв.

Внутри зимы, в пустых ее сенях,
Я, ворон да извозчик на санях —
Три тени на серебряной стене.

Но от саней давно простыл и след,
А ворон так по-летнему одет,
Что (будь он проклят!) холодно и мне.

* * *

Словно рукоделие Герды пустынное,
Вьет камыш пушистое льдистое кружево.
Словно аистиная —

длинная, длинная!

Сказка про моря и про викинга дюжего —

Бесконечный снег, сцепляя метелочный
Гаснувший камыш, заткал его стужею,
Уходя до звезд, где зима оружие
Синее кует в молчаливой полночи.

О, как далеко вы теперь, мои аисты!
Скоро ли увижу вас,

аисты белые?

Снег за камыши, камыши зацепляется,
На весу смерзается в области целые...

Между небом и землей —

воздушной циновкою.

Герды маленькой рукой

сплетён со сноровкою,

Снег,

Снег —

Оцепленье рек, ослепленье век!

Скоро ли увижу вас,
аисты белые?
Скоро ли услышу я
взмахи крыльев смелые?
Снег..

ХИППИОТЫ

Буржуйство! Тебе не впервые
Кататься у нищих на вые!
На сотнях мостов, поворотов (Америка,
Лондон, Мадрид) —
Глянь: хиппи несут хиппиотов. Кто смотрит — всегда
разглядит.

О тех, кто живет без заботы, но рваным не ходит
отнюдь.
Сказала бы я: хиппиоты. До хиппи им долго тянуть!
Вот хиппи. Их курточки рваны, и нос у них синий такой...
А вот хиппиоты. Карманы дубленок набиты деньгой.

Не хиппи мне здесь эталоном! Но мерзок мне всяк их
пророк!
(Лишь тот и зовись отрешенным, кто выбросил свой
кошелек!)
Вот хиппи. Живут под мостами. От холода ночью
дрожат.
А вот хиппиоты: хвостами ондатр, барахлом дорожат!

Но зная, сколь бедные святы, все пробуют в нищих
пожить;
Искусственные заплаты к богатому платью пришить!
И хоть золотого — солидно! — тельца осязают в руках,
Жизнь хиппи им, дурням, завидна, как тень журавля в
облаках.

В комической жажде сиротства, со вскинутым к небу
лицом
Все мнят они выследить сходство меж тем журавлем и
тельцом.
Эх! Дом журавля разоривши, учитесь своих
узнавать...
Мечтательные нувориши, гаврошами вам не бывать!

Как мучающая мелодия в их пышные вкралась дома,
Подделанная под лохмотья — индейская бахрома.
Но... если застенчиво лезет богатство из дыр, то на ком
Сорвешь?.. Кто гаврошеством грезит, тот должен быть
сам бедняком.

Мадонна! Призрей хиппиота! Скажи ему, как ему
быть:
Как честную бедность поэта с тугим кошельком
совместить?
Ты что ж, брат? — и гульдены множишь,
и нищенство любо тебе?
Захочешь быть бедным — не сможешь. Загинешь
в бесплодной борьбе.

Есть хиппи. А есть хиппиоты. Влюбленные в нищенский
стяг,
Не нужных им стран патриоты, сидячие слуги бродяг...

Я знаю, что можно не видя любить и невидимым жить.
Но можно ли, в комнатах сидя, бродяжьему флагу
служить?

Я знаю, что можно и это: у скальдов дорога —
в груди,
Условно пространство поэта, а свет — все равно —
впереди.

Но можно ли, жмурясь коварно, за деток обкуренных
пить?
Шептать, что спасенье вульгарно, и жизнью сей
взгляд не купить?!

Сидеть хоть на малом приколе, на краешке стула
хотя б,
И славить в неведомом поле последний бродяжкин
ухаб
И пот ледяной?! Поелику (питомцам контор страховых)
Их гибель нужна вам — для шику, для вставки
в тираду и стих!

Чудовищные хиппиоты! Романтики с толстым брюшком!
Их краски, их вирши, их ноты — в согласии с их
кошельком.
Но смерти щемящая флейта все манит их в серости
дней.
Чьей смерти? Своей или чьей-то? Тьфу, пропасть!
Опять не своей!

Им нравятся травы, канавы, гитары, прорывы дождя
И чувство, что юноши правы, от общества в ночь уходя...
И Сартром взмахнет грациозно, и мешкающих
подтолкнет...
Но в то, что для хиппи серьезно, не верит крепыш
хиппиот.

Есть хиппи, а есть хиппиоты. И хиппи (как в небе
стрижи,

Земной убегая заботы) не верят ни правде, ни лжи.
Цель хиппи нельзя обозначить. Цель хиппи — концы
отдавать.

А цель хиппиота? Подначить. Оплакать. Романтизовать.

Прекрасная марихуана! Как сказки твои хороши!
Дай неба нам! Дай океана! От темной земли отреши!
Судьба — нападательный минус... Оскомина жизни
горька...

Печальный курильщик! Возьми нас, прими нас в твои
облака!

В твоих-то хоромах уютней! Мы будем довольны
судьбой!
Как крысы за гамельнской лютней мы ринемся вслед
за тобой!
Но хиппи, наследник печали, растаял в кипящем дыму,
И зрители сразу отстали, которые льнули к нему.

Подначка! — великое дело! Прекрасная вещь —
западня!
Воспеть же! (Отпеть же!) И смело вернуться к
насущности дня!
Но вскорости ж — новые трагедии... И снова увязывать
вам
Искусственные заплатки с естественной тягой к
деньгам.

Так хиппи, лишась интересов, несут ча заливке под
блюз
Своих неотвязчивых бесов дубленый и замшевый
груз.
Мостогами, лесами проносят на ниточках тоненьких
шей,
Не чуя, как носят, где сбросят непрощеный тучный
трофей.

Готовый к любым присосаться системам, филистер живет
Банальный. Не все согласятся, что имя ему — хиппиот.
Трудней, чем зарубки на сучьях, давать хитрецам имена:
Их лики меняются. Сущность их — та же во все времена!

Буржуйство. Тебе не впервые
Кататься у нищих на вье!
На сотнях мостов, поворотов (Америка, Лондон,
Мадрид) —
Глянь: хиппи несут хиппиотов. Кто смотрит — всегда
разглядит.

ЖОРЖ САНД

Они усы и бороды носили,
Гремящий трагик, романист, поэт...
Но в общем парни — женщинами были;
Ведь женственной души французской — нет!

Весь мир беспечною они пленили,
Изыществом очаровали свет
И с томной красотой соединили
Девичьей грусти ливневый расцвет.

Одна вспылит, другая прослезится...
Та — ворковать, та — с перстнями возиться,
Подымет эта ближнего на смех...

Учтив, спокоен, храбр, великодушен,
Не столь плаксив, не всем ветрам послушен
Один Жорж Санд — мужчина среди всех.

СТАРИННЫЙ БРОДЯГА

В мороз и зной
 в юдоли земной
Вижу я ночью свет без огня.
Свой дом и очаг
 у каждого есть
Но нет его у меня.

У птицы есть, у ящериц есть,
Есть у крота,
 у всех, кто живет,
И только меня
 на празднество дня
Никто не ждет, не зовет.

Проскачет всадник, следом другой,
Но я ничего у них не прошу,
Я только спою: «Дорога — мой дом» —
И дальше
 в путь
 ухожу...

Люблю я солнца первый восход,
Люблю я погоду, если тиха,
Гнездо жаворонка в желтых полях,
Костер,
 костер пастуха.

Люблю я даль с гуртами овец
И над очагами тающий дым,
Боярышника

багряный венец
И месяц ранний над ним.

В мороз и зной

в юдоли земной
Вижу я ночью свет без огня...
Очаг свой родной
у каждого есть,
Но нет его у меня.

ОСЕННИЙ ЭТЮДНИК

Дым в тумане. Долгому овину
Ночь подобна. Северным кальяном
Окурило лес и котловину.
Но рассвет снимает мешковину
С красных куп. И роща над туманом
Проступает каждый раз иная,
Чем вчера была еще под вечер,
Тщетно в полутьме припоминая
О своем вчерашнем цвете...

Ночь,— художник, пишуший пейзажи,
Прячет их от публики и сглазу;
Тряпкой их накрыв, стоит на страже,
Звездам не показывает даже!
Только утру все откроет сразу.
Мы тогда увидим: ночью снова
Изменилось многое в картине,—
Эта груша не была вишнево-
Канареечной, как ныне!

Ранним-рано шла я росным долом.
Солнце чуть мерцало из-под сонных
Век своих, скользя над полем голым,
Где вчера был срезан весь подсолнух.
А в лощинах, инеем подсоленных,
Где, подобно желтым фарандолам,

Шла, кружа, ореховая охра,—
Там, как новый, в красочном ударе,
Раскаленно-алый
Клен на сизой хмари
Отпечатывался мокро...

... В третий раз я так же вышла рано.
Клен — каким он был — уж не сказал бы.
Не фисташкова и не багряна,
Роща, отразив набег тумана,
Золотые выбросила залпы.
И, осунувшаяся, прощаясь,
Как художник, что закончил дело,
Отступив на шаг
и превращаясь
В дымку утра,
ночь на них глядела...

ЗАЛОГИ ПЕЙЗАЖЕЙ

Вот я — зевака пейзажей! Порой
восторженный, чаще — дремотный...
Пишет ли ночь маслянистою сажей
свой лик за дымкою плотной,
Утро ль растет из озерной волны и слепит,
как цветы неньюфары
Я тут как тут. Ведь пейзаж без зеваки
похож на ботинок без пары.

Да. Я зевака пейзажей. Но я же
непрощеный их перекройщик;
С частым, как зуд, мелкоколесием спорщик,
разболтанных струй перестройщик...
В ритме стиха (своего, не чужого!) не зря
по ручьям и карьерам
Я, как портной со своим метром,
шла со своим размером.

Аллея Диккенса помнит меня
корнями своих растений,
Буколики, и Котловина Рипа,
и Мост Предвечерних теней
Скрипучий... А я их помню — вдвойне:
такими, какие на деле,
И в тех одеждах, которыми их
мои мечты одели.

Так я, зевака пейзажей, брела
по их старинной дороге.
Но не пейзажи меня облепляли,
а их черты и залог;
Всегда с полдюжины мне не хватало
дубов и ясеней стройных...
Был мох — но не было скал зеркальных,
этого мха достойных!

Жила вода в берегах невысоких,
но не было водопада.
Сначала не было, а теперь... может быть,
уж и не надо?
Дорога в город. Ведь я уезжаю!
Прощайте, мои пейзажи!
И грех прозябанья без мельницы в даях
я вам отпускаю даже!

Они
еще какое-то время
за мной поспешно хромают,
Но останавливаются поневоле
и новый вид принимают;
Уже смягчает их очертанья
прозрачный,
закатно-ранний
(Но звезды всходят — и он густеет)
туман воспоминаний.

В МАРТЕ

Будь я художником, я набросала бы
Пустую улицу
Большого города.

Хвост квартала опустел.

А на темени его

Только я, и — никого!

(Миг безлюдия лови —

Этот миг неповторим!)

Над тротуарами сумерки ранние,
Льдистые, снежные... Все еще холодно.

Сломлен только что февраль,

Впереди синее март.

Страх отступится вот-вот —

Отойдет тревога прочь.

Но, как во сне беспокойном, огромное
Стороны света имеют значение.

Я — на южной стороне!

И афиша на стене

Одинокая: «Джейн Эйр».

Как еще долго стена над афишею
Длится пустынная! Как высоко еще!

Не стояла ли Джейн Эйр

На равнине дней своих

Столь же голой и пустой?

Часто ходила я здесь, но не видела
Этого дома с оранжевым выступом;
Вертикальная стена
Так пуста и высока,
Что афиша в уголке —
Как батистовый платок,
Что сронила, побежав
По равнине, Джейн
Эйр...

ДОБРЯК

«Тебе-то хорошо!»— мы говорим тому,
Кто нам добра желал, нас от унынья спасши.
С чего ж бы это так уж «хорошо» ему?
Эй, гляньте на него как следует сейчас же!

Худ, бледен, всех слабей. В довременном дыму
Седин... Но силится весельем взгляд угасший
Снабдить (как тот камин в заброшенном дому) —
Чтоб нас же ободрить, чтоб не расстроить нас же.

Реальных благ при нем хранящийся запас
Иль вовсе никакой, иль меньше, чем у нас.
Так чем же он от нас завидно так

и крупно
Отличен? Добротой? Но, сказка доброты —
Страна, далекая как солнце! — ведь и ты
В недостижимости своей общедоступна!

* * *

Дерево, и камень, и железо
Перед ливнем пахнут первозданно.
Вижу издали: малютки лодки лезут
На зеленый купол океана.

С океаном в кошки-мышки
рыбаки играют,
Но едва сверкнет крылом
предвестник бури
Дерзкий альбатрос — и лодки удирают
Вслед за клочьями испуганной лазури.

А на берегу рыбачки тихо напевают —
Пробуют зачаровать ненастье —
И к рыбацким курткам грубым
тайно пришивают
Рыбы позвонки
и крестики на счастье.

И поют рыбачки: «Тихо ветры веют,
Но равнину водную не взроют;
Пусть домчатся наши лодки
к берегу успеют
До того, как туча их накроет.

Пусть в лазури мягкоперой блещет
солнце юга,

СОДЕРЖАНИЕ

I

«Полетел сереброкрылый «Ту»...	6
Поступь света	8
Закон песен	10
Кружатся листья.	12
О юморе	14
Вечный всадник	16
Отраженным светом	21
Подсолнух	22
Поэты	23
«Снег выпал ночью и растаял днем...»	25
Золото проектов	26
«Есть вопиющий быт, есть вещные примеры...»	46

II

Бездомный домовый	43
Заклинательница змей	50
«Восток, прошедший чрез воображенье...»	52
Экзотика	53
Корабельный рай (<i>Сказка</i>)	56
«Липа зацвела у перекрестка...»	59
Рощи взгляда	61
Песнь о «Летучем голландце»	74
В краю снегов	76
Мой Бодлер	78
Цыганка	30
Предрассудки	32
«В поэтах числиться...»	33
Крысы	34
Страх лесов	35
Меланхолия	39
Прогулка на Загорянку	90

III

Госпиталь	92
В начале войны	94
Хома Брут	97
«После тягости, сокрушения...»	100
«Мимозы вырастают из песка...»	102
«Волны бегут, белый песок лаская...»	103
Трясогузка	105
«Глухой зимы коснеющий триумф...»	106
«Словно рукоделие Герды пустынное...»	107
Хиппиоты	109
Жорж Санд	114
Старинный бродяга	115
Осенний этюдник	117
Залоги пейзажей	119
В марте	121
Добряк	123
«Дерево, и камень, и железо...»	124

Новелла Николаевна Матвеева

ЗАКОН ПЕСЕН

М., «Советский писатель», 1983, 128 стр.
План выпуска 1983 г. № 193

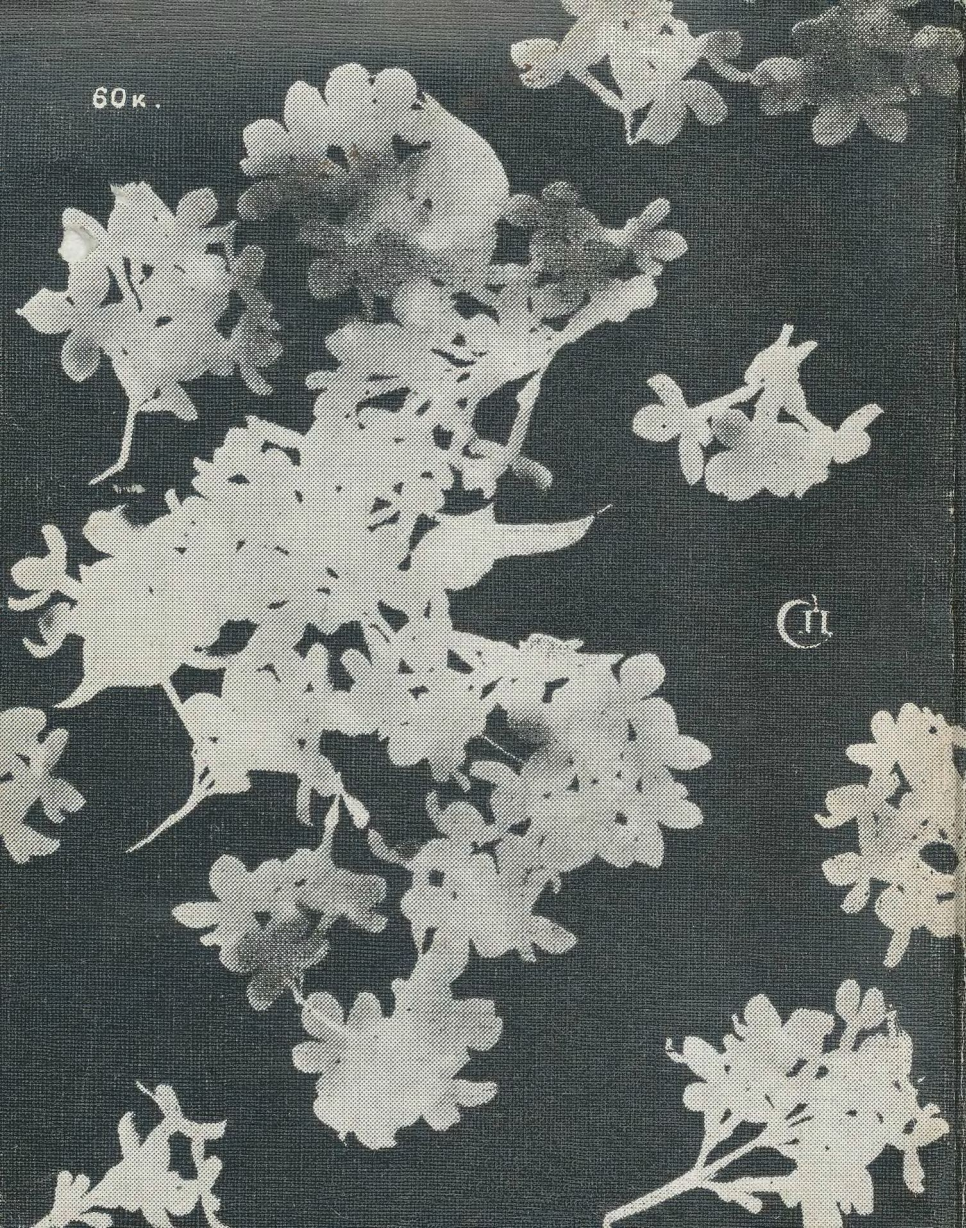
Редактор *Л. Е. Храмов*
Худож. редактор *Д. С. Мухин*
Техн. редактор *Н. В. Сидорова*
Корректор *Т. В. Малышева*

ИБ № 3692

Сдано в набор 20.12.82. Подписано к печати 08.07.83.
А04571. Формат 70×108 1/32. Бумага мелованная.
Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл.
печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 3,98. Тираж 20 000 экз. За-
каз № 973. Цена 60 коп.
Издательство «Советский писатель», 121069, Москва,
ул. Воровского, 11
Тульская типография Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете СССР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина,
109

60к.

СН